Виктория Шарло

Кровь Купалы

18+

Виктория Шарло

Кровь Купалы

«Автор»
2026

Шарло В.

Кровь Купалы / В. Шарло — «Автор», 2026

Я думала, что самое страшное уже позади. Но у моей семьи другие планы.Впереди новые игры, новые жертвы и ловушка, которую мне предстоит создать собственными руками.Они уверены, что знают правила. Но даже охотник однажды может стать добычей.И всё же больше смерти я боюсь одного — узнать, что кровь, текущая в моих венах, действительно делает меня одной из них.

© Шарло В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. 5
Глава первая. 6
Глава вторая. 13
Глава третья. 21
Глава четвертая. 27
Глава пятая. 35
Глава шестая. 41
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Виктория Шарло
Кровь Купалы

Пролог.

Впервые за всё время я посмотрела ему прямо в глаза. Без страха, без мольбы, просто констатация факта.

— Я готова обсудить условия.

Виктор посмотрел на меня с профессиональным интересом, в котором не было ни капли человеческого тепла, лишь азарт хирурга, чей пациент наконец перестал бояться скальпеля. Будто я сделала тот шаг, которого он ждал все эти месяцы — шаг с обрыва в пустоту, которую здесь называли семьёй.

— Разумно, — сказал он, чуть прищурившись, и это слово скрепило негласный договор.

Так я стала одной из них. На бумаге — наследницей, а внутри всё той же добычей, которая учится скалиться, чтобы однажды оскал стал укусом.

Глава первая.

За три месяца до игр.

Я вернулась в Екатеринбург, пытаясь заново собрать себя из осколков, в которые превратилась моя жизнь. Архитектурный университет, дипломный проект, привычные улицы — всё это должно было стать спасательной шлюпкой. Иллюзией нормы, за которую можно зацепиться. Но разум не обманешь декорациями прежней рутины.

Съёмная квартира оставалась моим убежищем. На счёт исправно приходили деньги, обещанные сестрой, однако я не потратила ни рубля. Каждая купюра казалась испачканной чем-то, от чего невозможно отмыться. Эти цифры в банковском приложении молчаливо свидетельствовали о цене, которую заплатили другие.

Новых лиц я в свою жизнь не пускала. После Инны во мне поселилась глухая, непрошибаемая стена недоверия. Её призрак возникал в самые неожиданные моменты: вот она смеётся, запрокинув голову, вот протягивает мне кружку с чаем, а вот ведёт меня прямиком в ловушку того грёбаного ретрита. Теперь я знала: играть можно не только в любовь. Можно годами играть в самую искреннюю дружбу, и моя сестра, наблюдавшая за этим спектаклем из-за кулис, щедро аплодировала своей лучшей постановке.

Мне было паршиво от мысли, что Инны больше нет. Не из-за любви к ней, а из-за недосказанности... Иногда я ловила себя на мысли, что отдала бы всё за один-единственный разговор. Просто чтобы спросить: была ли в этой дружбе хоть секунда настоящей? Или каждая наша прогулка, каждый секрет, доверенный под шум дождя, были лишь строчками в её донесениях? Выходит, я никогда не знала настоящую Инну, а только её функцию — идеально сыгранную роль *лучшей подруги*.

Единственным, что держало меня на плаву, стал тренажёрный зал. Беговая дорожка заменила исповедальню, дружескую беседу, и объятия. Монотонный стук подошв, ритмичное дыхание, мерное движение в никуда забирали напряжение, вытягивая его по капле из измученного тела. Где-то на периферии сознания, почти в подкорке, зрело холодное понимание: этот навык, эта способность бежать долго и не оглядываясь, скоро пригодится мне. Но не в этих стенах и не в этом городе.

Телефон вибрировал исправно, каждую неделю высвечивая на экране имя сестры. Маша словно завела ритуал, не понимая, что я превратилась в немую крепость, закрывшую ворота перед её голосом. Я пробегала глазами по строчкам, но не удостаивала её даже скупым эмодзи. Должно быть, неизвестность давалась ей тяжело — прежде она всегда держала руку на пульсе, всё знала, всё контролировала, а теперь лишь всматривалась в пустой экран. Эта мысль доставляла мне мрачное, почти садистское удовольствие.

По тону её посланий я безошибочно считывала попытку навести мосты, заштопать зияющую между нами пропасть парой дежурных фраз. Выглядело это жалко и фальшиво. С чего бы вдруг? Она оставалась для меня чужим человеком, фигурой из параллельной вселенной, где у неё была своя, неведомая мне жизнь. Мы делили кровь, но не больше. Родство не делало нас близкими, оно лишь отягощало прошлое грузом взаимных претензий и молчаливых обид.

Лишь одно сообщение заставило меня нарушить молчание. Короткое, лишённое прелюдий, как приказ: «*15 марта общее собрание, явиться нужно всем без исключения, адрес ты знаешь*». Ни тебе *пожалуйста*, ни вопросительного знака. И в этой сухой властности я узнала прежнюю Машу — ту, что привыкла распоряжаться судьбами, не утруждая себя объяснениями.

Я ответила ещё лаконичнее: «*Беру билеты*». Два слова, которые должны были дать ей понять, что я больше не жертва, я партнёр поневоле, принимающий правила игры с холодной головой.

Ближайший рейс до Москвы. В аэропорту меня не встречали, никакого эскорта, никакой золотой клетки на колесах. Всё верно — конвоиры нужны тем, кто рвется бежать. Я же возвращалась добровольно, чтобы исполнить взятые обязательства, и сестра это отлично понимала.

Я заказала обычное такси. Сквозь залитое дождем стекло смотрела, как вечерняя Москва подмигивает мне тысячью огней. Знакомый маршрут, знакомый особняк, где воздух пахнет деньгами и чужими тайнами. В доме, где меня уже ждали.

Тяжёлые створки ворот разъехались с механическим гулом, и машина скользнула внутрь. Водитель притёрся у самого крыльца. Я расплатилась, толкнула дверцу и ступила на брусчатку, чувствуя, как вечерняя сырость мгновенно облепляет лицо.

Перед массивной входной дверью я замерла на секунду, чтобы медленно выпустить воздух сквозь сжатые зубы. Ладони стали влажными, пульс стал нарастать. Я знала: стоит перешагнуть порог и начнётся очередной акт этого тщеславного фарса, где каждый держит лицо, а нож за спиной начищен до блеска.

Дверь распахнулась резко, без предупредительного звонка. На пороге стоял Виктор в безупречно белой рубашке, в строгих брюках, будто только что покинул благотворительный приём. Я машинально стиснула ручку дорожной сумки так, что пальцы хрустнули.

— Ты вовремя, — бросил он нарочито сухо, старательно изображая безразличие. Но его зрачки беспокойно метались, ощупывая пространство за моей спиной.

— И тебе здравствуй, — отозвалась я ровно и переступила порог.

Не успела я оглядеться, как из глубины холла ко мне уже неслась Маша. Стремительный шаг, лёгкое платье струящегося шёлка до самого пола — но что-то в её движениях было не так. Исчезла та хищная плавность, та отточенная безупречность, с которой она прежде плыла по паркету. Теперь походка казалась чуть более тяжёлой, словно тело слушалось её уже не столь покорно.

— Ну наконец-то! — воскликнула она с интонацией, отрепетированной перед зеркалом. — Я так соскучилась!

Она кинулась обнять меня, раскинув руки, но я упёрлась ладонями в её плечи и мягко, но непреклонно отодвинула от себя. Она замерла на вытянутых руках, и улыбка на её лице чуть потускнела.

— Как добралась? Пробки, наверное, ужасные? — затараторила она, но взгляд её уже скользил по мне оценивающе, сверху вниз, сканируя каждую деталь моего затрепанного вида.

— Нормально, — отрезала я, сбрасывая обувь и ставя сумку на пол. Ветровка полетела на вешалку.

— Слушай, у нас сегодня просто званый ужин, ничего официального, — засуетилась сестра, и в её голосе прорезалась брезгливая нотка, которую она не умела прятать. — А завтра обсудим все планы. Здесь все организаторы, главные участники… Тебя нужно переодеть.

Она всё ещё разглядывала меня, задержав взгляд на простой водолазке и джинсах.

Я подняла глаза. Посмотрела на её руку, на пятна, что проступали и на моей коже. Наше общее проклятие, наш общий генетический росчерк. А потом тихо, но отчётливо произнесла:

— Тебе не обязательно разыгрывать заботливую сестрёнку. И в твоё шмотьё я наряжаться не стану.

Виктор не сдержался и издал короткий смешок. Маша тотчас вонзила в него взгляд, и он осёкся, спрятав усмешку в уголках губ.

Не теряя ни секунды, она переключилась на меня. Её пальцы цепко сомкнулись на моём запястье, с неожиданной для хрупкой на вид женщины силой. Движение вышло отточенным, почти змеиным. Она притянула меня чуть ближе к себе, и я ощутила запах её духов.

— Ты в моём доме, — зашипела она сквозь зубы, снизив голос до едва различимого шёпота, предназначенного лишь для моих ушей. — И здесь существуют правила. А значит, ты будешь делать то, что тебе говорят. И слушать меня.

Слова сочились ядом, но лицо её по-прежнему хранило маску любезности. Я резко дёрнула кистью вверх, разрывая захват. Кожа на запястье загорелась, но я не доставила ей удовольствия поморщиться. Расправив плечи, я встретила её разъярённый взгляд прямым и спокойным.

— Странно, — произнесла я почти лениво, поправляя рукав. — Просматривала договор на днях и что-то не припомню там этого милого пункта.

Маша побледнела. Не от страха, а от бешенства, которое ей приходилось теперь упаковывать обратно в позолоченную обёртку светских приличий. Виктор за её спиной с любопытством переводил взгляд с одной сестры на другую, словно наблюдал за теннисным матчем, где счёт внезапно стал угрожающим.

Я не стала дожидаться ответа. Подхватив сумку, я прошла мимо застывшей Маши, бросив через плечо:

— Комнату я помню. Расположусь сама.

Я поднялась по лестнице, стараясь не ускорять шаг, хотя желание бежать отсюда зудело под кожей. Знакомая дверь, знакомая комната. Всего два дня я провела здесь минувшей осенью, но они впечатались в память накрепко: именно в этом доме карты легли на стол рубашками вверх и все маски разом осыпались прахом.

Внутри ничего не изменилось. Кровать по центру, панорамное окно во всю стену, небольшой столик, плазма напротив и скромный встроенный шкаф. Я опустилась на край постели, так и не щёлкнув выключателем. Сумерки показались мне честнее яркого света. Машинально растирала запястье — кожа всё ещё горела после сильной хватки сестры. Снизу доносился приглушённый звон бокалов, переливы голосов, чей-то натянутый смех. Там, внизу, уже собирались гости, и мне предстояло снова нацепить на лицо выражение спокойной уверенности. Но волнение только нарастало, скручиваясь где-то под рёбрами.

В дверь коротко постучали и не дожидаясь приглашения, нажали на ручку.

На пороге возник Виктор. Я тут же свела брови к переносице, давая понять, что не рада его визиту.

— Я скоро выйду. Тебе совершенно не обязательно таскаться за мной, — начала я, надеясь захлопнуть дверь прямо перед его носом одними лишь словами.

Но он уже беззвучно проскользнул внутрь. Дверь мягко закрылась, и он привалился к ней спиной, отрезая мне путь к выходу. В полумраке его белая рубашка светилась призрачным пятном, а лица я почти не различала — лишь блеск глаз, пристально наблюдавших за мной из тени.

Я вскинула брови в молчаливом вопросе. Он не торопился с ответом, лишь растянул губы в ленивой ухмылке.

— Зря ты так с ней, — произнёс он наконец. Голос звучал почти миролюбиво, но я слишком хорошо знала этот тон: за ним всегда пряталось что-то ещё. — Она тебе не враг. Пытается помочь.

Смешок вырвался из меня прежде, чем я успела его остановить.

— Да уж, — процедила я. — Такой помощи и врагу не пожелаешь.

Повисла пауза. Я смотрела на него в упор, пытаясь прочесть за неподвижным лицом хотя бы тень настоящей эмоции. Он стоял, и молчал — как будто сам до конца не понимал, что здесь делает.

— Это она тебя попросила прийти? — спросила я, нарушая тишину.

— Нет. Я сам.

Ответ прозвучал почти растерянно, и это резануло мне слух сильнее любой грубости. Виктор никогда не являлся без цели. А сейчас он походил на актёра, забывшего текст роли.

— И зачем же? — я слегка склонила голову набок, разглядывая его так, как разглядывают музейный экспонат с сомнительной ценностью. — Решил снова поиграть в спасателя? Учти, в прошлый раз спектакль удался не очень.

— Разве? — переспросил он, и в голосе его прорезалась уже знакомая опасная, обволакивающая мягкость, которую я помнила слишком хорошо. — Мне казалось, ты мне поверила.

Я сжала челюсти так, что зубы едва не скрипнули. Ненависть — вот что я должна была испытывать. Чистую, незамутнённую, ненависть к человеку, который был частью этого чудовищного заговора. Но вместо неё под диафрагмой пульсировало что-то мутное, с привкусом чувства, которому я отказывалась давать имя. Так не злятся на врага. Так злятся на того, кто однажды держал твоё сердце в ладонях и уронил его, не поморщившись.

Я молчала, потому что сказать правду значило бы выдать себя с головой. Потому что «*да, поверила*» звучало бы как признание в слабости, а «*нет*» — было бы откровенной ложью, которую он считал бы мгновенно.

Виктор не двигался. Просто стоял, привалившись к двери, и ждал. В этой его неподвижности было что-то невыносимое — как будто он заранее знал, что тишина сломает меня быстрее любых аргументов.

Я отвернулась первой. Не потому что сдалась, а просто смотреть на него стало физически больно.

— Ты за этим пришёл? — спросила я глухо. — Чтобы напомнить мне о моих ошибках? Я их и так помню. Все до единой.

Мой голос дрогнул на последнем слове, и я ненавидела себя за эту дрожь сильнее, чем ненавидела его. Что-то внутри меня жгло, как старая рана, которая, казалось бы, должна была затянуться, но почему-то снова кровоточила при одном лишь звуке его голоса.

Я резко встала и направилась к двери, где он всё ещё перегораживал проход, точно страж у врат, которые никто не просил охранять. Остановилась вплотную. Между нами оставалась лишь узкая полоска сумеречного воздуха, заряженного недосказанностью. Я физически ощущала жар, исходивший от его тела, но не отступила ни на сантиметр.

— Дай пройти, — произнесла я тихо.

Но он не шелохнулся. Просто смотрел — долгим, странным, почти мучительным взглядом, от которого у меня пересохло в горле. Казалось, он хочет что-то произнести, но невидимая сила запечатала ему губы. Я нахмурилась, пытаясь расшифровать это выражение, но не смогла.

Наконец он медленно, словно против собственной воли, отступил в сторону. Я распахнула дверь и, не оглядываясь, спустилась вниз.

В столовой уже царила та особенная, чуть напряжённая тишина, какая бывает перед самым началом званого ужина. Стол ломился от приборов, свечи отбрасывали дрожащие тени на лица собравшихся.

Первой, с кем я встретилась взглядом, была Рада. Она величественно, точно идол,высеченный из мрамора, сидела во главе стола. Её глаза полоснули по мне, и по коже мгновенно побежали мурашки, а на её губах играла милая улыбка, от которой у меня всякий раз сводило скулы.

— Ева! — воскликнула она, раскинув руки в притворно-радостном жесте, и голос её прозвенел так, будто само провидение преподнесло ей нежданный подарок. — Дочь моя, ты с нами!

Я лишь коротко кивнула, едва обозначив движение подбородком.

— Я тебе не дочь, — процедила я сквозь зубы, понизив голос до едва различимого шёпота, предназначенного лишь для моих собственных губ. Никто не услышал. Да и не должен был.

Села за стол. Спина прямая, руки спокойно ложатся на колени. *Никому не покажу, чего мне стоит это самообладание.*

Я обвела взглядом собравшихся. Святослав — неизменный, с каменным лицом, на котором не отражалось ровным счётом ничего. Маша — воплощённая безупречность, и рядом с ней её муж, сверлящий меня взглядом с такой откровенной враждебностью, будто я лично отравила его бокал. Несколько уже знакомых лиц — я тщетно напрягала память, но имена ускользали, остались лишь смутные очертания прежних встреч. Двое широкоплечих мужчин с массивными часами на запястьях — их снисходительные, оценивающие взгляды безошибочно выдавали касту спонсоров. Людей, привыкших покупать всё, включая человеческие судьбы.

И Алёна.

Наши глаза встретились, и время дало микроскопическую трещину. Я сразу заметила неровный, ещё розоватый, перечёркивающий кожу шрам над её бровью. Это я оставила его там, в серверной, когда ударила её головой о стол. Она выжила. В груди что-то дрогнуло: то ли облегчение, то ли холодное осознание, что мы с ней ещё не закончили.

Моя ладонь сама собой метнулась к правому боку, где под одеждой пряталась память о её ноже. Мы обе носили отметины той ночи. И обе знали, кто кому их оставил. Я провела пальцами по ткани и, спохватившись, опустила взгляд в тарелку. *Не сейчас. Только не перед ними.*

Маша бросила быстрый взгляд мне за спину, и я по едва уловимому движению её ресниц поняла: Виктор спустился следом. Она тут же потянулась к бокалу, подхватила нож и коротко ударила сталью по хрусталю. Звон разлетелся по столовой, точно тревожный колокольчик, и гул голосов послушно стих.

Виктор бесшумно опустился на стул, прямо напротив меня. Я ощутила его присутствие, но не удостоила взглядом.

— Друзья! — провозгласила сестра, хорошо поставленным тембром, каким говорят ведущие благотворительных аукционов. — Сегодня мы встретились после долгой разлуки. Купала начнётся совсем скоро, и мы примем новых людей в нашу семью… после испытаний, разумеется.

Она перевела взгляд на меня. Я выдержала его не дрогнув, хотя внутри всё клокотало. Слова *друзья* и *семья* скрутили живот, от того как фальшиво они прозвучали в этих стенах. Здесь не было ни семьи, ни друзей. Здесь были соучастники.

— Полагаю, все знакомы с моей сестрой, — продолжала Маша, растягивая губы в полуулыбке. — Но она пока знает не каждого. Мира, привстань, пожалуйста.

Девушка с короткой, почти мальчишеской стрижкой приподнялась со своего места и посмотрела прямо на меня. Я всмотрелась в её лицо и не сразу узнала. Прошлым летом у неё были длинные волосы. Именно она была тем самым зайцем, которому удалось выжить. Именно она смеялась тогда, разгорячённая погоней, и небрежно бросила мне подсказку: спрятаться или напасть. Я запомнила её звонкий, почти детский смех, совершенно не вязавшийся с творящимся вокруг кошмаром.

— На этих играх Мира будет с тобой, — объявила сестра. — Сопровождать.

Девушка кивнула, улыбнулась мне открыто и дружелюбно, словно мы встретились на пикнике старых знакомых, а не в логове чудовищ. Я чуть-чуть приподняла уголки губ — ровно настолько, чтобы жест сошёл за вежливость.

— Кроме того, она будет заправлять женской территорией, — добавила Маша, и её голос похолодел. — Алёну мы чуть понизили. После инцидента.

Она посмотрела на Алёну леденящим взглядом, каким смотрят на бракованный товар. Алёна не подняла глаз. Сидела, покорно уставившись в скатерть, и лишь побелевшие костяшки пальцев, стиснувших салфетку, выдавали её напряжение.

— Илья, — произнесла Маша, и парень по правую руку от меня повернул голову. — Он будет пастухом на этот раз. Виктор — наблюдающим.

Я всё-таки посмотрела на Виктора. Он сидел неподвижно, сложив руки перед собой. *Наблюдающий*. Что ж, роль подходила ему идеально. Он всегда умел смотреть со стороны на то, как горят чужие жизни.

Маша вдруг поднялась, протянула руку в сторону двух мужчин, сидевших по левую сторону от Рады, и продолжила:

— Ну и наконец — Сергей Николаевич и Алексей Владимирович.

Крупные, уверенные в каждом своём жесте, они синхронно склонили головы, принимая адресованное им внимание. Первый — почти лысый, с гладким, точно отполированным черепом, на котором играли блики свечей. Второй — с благородной сединой на висках, придававшей ему обманчивый вид университетского профессора. Оба сдержанно, но довольно улыбались, как люди, чьё место за этим столом оплачено щедрыми пожертвованиями.

— С прошлой игры они внесли значительный вклад в наше общее дело, — продолжала сестра. — И мы решили выразить им особую признательность: пригласить сюда лично и доверить выбор места для новой Купалы!

Мужчины приподняли бокалы в ответном приветствии, а Маша, наклонившись через стол, потянулась чокнуться с каждым. Общий гул восхищения прокатился по столу в сдержанных аплодисментах, одобрительных кивках. И в этот самый момент, выпрямляясь, она на секунду задержала ладонь на животе — жест почти машинальный, но красноречивый.

Теперь я поняла. Вот откуда эта изменившаяся походка, эта осторожная плавность... Купала ждала нового наследника.

Когда сестра опустилась обратно на стул, она вновь сделала лёгкий, почти царственный жест ладонью и собравшиеся послушно притихли.

— И ещё одна новость, — объявила она, и взгляд её переместился на черноволосого мужчину с аккуратной щетиной, сидевшего по правую руку от неё. — Рома предложил нам вместе присутствовать в играх в этом году. И я согласилась!

Рада всплеснула ладонями и энергично зааплодировала, словно отбивая ритм, который все остальные тут же подхватили. *Отлично*, подумала я, сохраняя на лице всё ту же вежливую полуулыбку. Вся *семья* в сборе. Муж, жена, будущий наследник и предстоящая охота.

— Господа, — Рада промокнула губы салфеткой и повернулась к спонсорам, — вы собирались рассказать про место, которое уже начали обустраивать. Поделитесь с нами, не томите.

В столовой повисла тишина, какая бывает перед тем, как кто-то достанет из кармана ключи от двери, за которой чья-то судьба. Сергей Николаевич переглянулся с партнёром, медленно отодвинул стул и поднялся. Его лысый череп влажно заблестел, а толстые пальцы, унизанные перстнями, легли на край стола с собственнической уверенностью человека, привыкшего, что его слушают стоя.

Он обвёл собравшихся взглядом, смакуя всеобщее внимание, и низко заговорил:

— В этот раз Купала пройдёт в Костромской области. На родине этого праздника. А если точнее — в Чухломском районе, на берегу реки Нёмда.

Рада ахнула и прижала ладони к груди.

— Как символично! — выдохнула она с театральным восторгом, но уже в следующее мгновение, переведя взгляд на Машу, словно споткнулась о что-то невидимое.

— Вы уверены? — переспросила сестра.

— Мария… — одёрнула её Рада с интонацией, не терпящей возражений.

Но Маша словно не услышала. Её взгляд оставался прикованным к спонсорам.

— Более чем, — ответил Сергей Николаевич, ничуть не смутившись этой мимолётной перепалки. — К тому же мы решили, что игра будет сложнее. В виде лабиринта. Однако пока мы ищем проектировщика.

— Хорошо, — отозвалась сестра. Голос её прозвучал смиренно, но я услышала в нём тень какой-то затаённой мысли.

И тут заговорил Виктор.

— Его искать не нужно, — произнёс он спокойно, почти лениво, и я ощутила приближение катастрофы. — У нас есть архитектор.

Он посмотрел прямо на меня. Не скользнул взглядом, не обвёл зал, а прицельно вонзился, точно нажал на спусковой крючок.

В голове пронеслось одно-единственное: *Какого чёрта!*

Всё моё былое спокойствие, смыло разом, будто шквальной волной. К горлу подступила тошнота. Я открыла рот, хватая воздух:

— Я… я не справлюсь… — слова выходили рваными, запинающимися, точно я разучилась говорить. — Я не специализируюсь на лабиринтах, и к тому же…

— А это неплохая идея, — перебила меня Маша. Она смотрела на Виктора с каким-то новым, оценивающим выражением, и между ними промелькнуло что-то похожее на молчаливый сговор.

— Нет, — отрезала Рада, и слово это хлестнуло по столу. — Ей нельзя доверять.

Маша медленно, почти по-кошачьи, повернула голову к старшей и посмотрела на неё с откровенным укором. Во взгляде её читалось: *не тебе решать.*

— Тебе не позволят, — добавила Рада с нажимом.

— Это мы ещё посмотрим, — ответила сестра. Губы её сжались в тонкую линию, а подбородок вздёрнулся с упрямством, которого я прежде за ней не замечала.

Мужчина, всё это время с ленивым интересом наблюдавший за перепалкой, хмыкнул и поднял бокал.

— Надеюсь, вы разберётесь с этим, — произнёс он с той снисходительной интонацией, с какой говорят о мелких семейных неурядицах, не стоящих внимания серьёзных людей.

И отхлебнул вино, давая понять, что дискуссия окончена.

В голове у меня всё смешалось. Слова Рады «*тебе не позволят*» застряли в сознании острой занозой. *Кто не позволит? Кому — Маше?* Разве не она заправляет всем этим кошмаром? Разве не Рада дергает за ниточки, сидя во главе стола с улыбкой божества? *Тогда кто стоит над ними?* Чья тень нависает над этим домом, оставаясь невидимой для моих глаз?

Глава вторая.

Я не могла вставить и слова, да от меня этого и не ждали. Сидела, как очередной трофей, выставленный в витрине этого дома, ценный ровно настолько, насколько позволяли его использовать. Только короткие взгляды, которыми изредка обменивались собравшиеся, напоминали мне, что я ещё существую.

Когда гости наконец разошлись и шум голосов стих в коридорах, я осталась на своём месте. Просто сидела, глядя в тарелку с объедками, и внутри закипала острая, почти физическая потребность получить объяснения. Всему, что только что произошло.

— Что скажешь?

Мужской голос раздался за спиной неожиданно. Я не слышала шагов. Рома неторопливо, почти вальяжно обогнул стол и встал напротив. Он редко начинал разговор со мной напрямую, предпочитая роль молчаливого наблюдателя при жене, и сейчас явно выждал момент, пока Маша занята проводами гостей.

Я замешкалась, подбирая слова.

— Ничего, — неловко ответила я, и поднялась, отодвинув стул с тихим скрипом по паркету.

Тут же из боковой двери возникла женщина средних лет — бесшумно засуетилась над столом, собирая тарелки одну за другой. Я покосилась на неё, но Рома перехватил мой взгляд.

— Она нас не слышит, — произнёс он, и его светлые, почти прозрачные глаза указали на женщину. — Мы специально наняли глухонемую. Здесь слишком много секретов, не предназначенных для чужих ушей.

Я невольно посмотрела на неё внимательнее. Женщина, поймав мой взгляд, тепло и открыто улыбнулась, и продолжила свою работу, не издав ни звука. От этой немой доброты стало почему-то ещё неуютнее.

— Ты, наверное, заметила, что скоро станешь тётей, — продолжил Рома, возвращая разговор в нужное ему русло.

— Да, — ответила я. — Уже известно, кто будет?

Я задала вопрос, стараясь, чтобы голос звучал буднично, чтобы ни одна трещинка не выдала того, что творилось внутри.

— Девочка.

Рома произнёс это коротко, но сканирующий реакцию взгляд не отрывался от моего лица. Он ждал чего-то. Может быть, радости. Может быть, зависти. А может, просто пытался понять, насколько я опасна для его нерождённого ребёнка.

— Новая наследница, значит, — проговорила я на выдохе.

Он кивнул, а затем шагнул ближе, сократив расстояние между нами до полуметра.

— И я хотел бы попросить тебя в следующий раз не дерзить моей жене. Быть здесь, с нами, — твоё предназначение. И она пытается тебе помочь, не испортить свою же собственную жизнь.

Я сдержала смешок. Он застрял где-то в груди, я проглотила его, так и не дав вырваться наружу.

— Почему-то я в этом не уверена, — сказала я, глядя ему прямо в глаза.

А затем развернулась, намереваясь уйти, но в дверях столовой уже стояла Маша. Лицо её осунулось, под глазами залегли тени, вечер явно дался ей нелегко, и никакая косметика не могла этого скрыть.

— О, Ева… — начала она и тут же перевела взгляд на мужа, уловив повисшее в воздухе напряжение. — Всё в порядке?

— Да, — опередила я Рому. — Вечер был напряжённым, мы все устали. Доброй ночи.

Я не стала спрашивать про лабиринт. Не стала выяснять, у кого именно Маша должна получать разрешение и почему Рада уверена, что ей не позволят. Решила оставить всё это на потом. Слишком много вопросов для одного вечера. Слишком много глаз, которые следят за каждым моим шагом. Я получу ответы. Но не сегодня.

Поднявшись наверх, я плотно прикрыла за собой дверь и лишь тогда позволила себе выдохнуть, почти со стоном. Пальцы сами расстегнули молнию дорожной сумки и вытащили пижаму. В ванной я повернула вентиль до упора и шагнула под обжигающие струи. Вода хлестала по плечам, стекала вдоль позвоночника, но внутри не становилось тише. Мысли продолжали свой яростный, беспрерывный бег.

Мне нужна была информация. Вся, до последней крохи. Без неё план, ещё хрупкий и неоформленный, рассыплется прахом. Но страх нашёптывал самое простое: бежать. Собрать вещи, исчезнуть, не ввязываться. Этот голос звучал во мне с самой осени, когда я впервые поняла, в какую бездну затянула меня собственная кровь.

Тогда, бессонными ночами, я перебирала варианты, как перебирают чётки.

Первый — побег. Снять все деньги, что приходили на счёт, купить билет в один конец, затеряться в чужой стране, где моего имени никто не слышал. Стать тенью. Но тени не живут — они прячутся. Вечное отшельничество, оглядка через плечо, дрожь при каждом звонке в дверь… А главное — я знала, какие люди стоят за культом. С их ресурсами меня не выпустят из страны. А если и выпустят, то непременно найдут. По следу банковского перевода, по камере в аэропорту, по случайной геометке в соцсетях. Рано или поздно.

Второй — сломаться. Поддаться, перестать огрызаться, сделаться послушной куклой в их руках. Они знают, что я ещё не сломлена окончательно, но если действительно опустить руки, то, возможно, помилуют. Оставят при себе, как домашнего зверька, как часть коллекции. Жизнь в золотой клетке, где кормят с рук, но за каждое неверное движение ломают крылья.

Третий — сопротивление. Собрать доказательства, зафиксировать каждое звено цепочки, каждого участника, каждый перевод и каждый труп. Слить всё в сеть или передать доказательства полиции. Устроить информационный взрыв такой силы, чтобы от культа не осталось и камня. Я выбрала этот путь. Выбрала, потому что иначе не смогла бы жить дальше, зная, что где-то продолжают умирать люди, а моя так называемая семья причастна к этому. Я не жертва и не убийца. Я не позволю им сделать меня ни той, ни другой.

И всё же внутри был разлом — диссонанс, не дававший покоя. *Зачем?* Зачем они доверяют мне проектировать лабиринт для игр? Если я буду знать его схему до последнего поворота — значит ли это, что меня снова бросят в него? Зайцем или волком? Или правила на этот раз будут иными? Одно я знала наверняка: побегать мне придётся. Спонсоры поставят на меня, я видела это по их глазам. Они будут наблюдать с тем особым, садистским интересом, с каким наблюдают за дорогим приобретением, ещё не доказавшим свою ценность.

Я выключила кран, накинула полотенце, и резко, одним движением стёрла пар с зеркала, будто снимая невидимую плёнку, и тихо произнесла:

— Ты справишься.

Я долго лежала без сна, вглядываясь в темноту. Сон пришёл лишь под утро, прерываемый каждым скрипом половиц за дверью и далёкими шорохами просыпающегося дома.

Окончательно разбудил меня переливчатый смех Маши — он донёсся откуда-то снизу, приглушённый стенами, но всё равно узнаваемый. Сразу за ним — короткий, требовательный стук в дверь.

— Войдите, — отозвалась я лениво, ещё не выбравшись из-под одеяла.

Тишина. Дверь не шелохнулась. Прошло несколько долгих секунд, и стук повторился.

Я не выдержала, откинула одеяло и босиком прошлёпала к двери, чтобы распахнуть её самой. На пороге стояла женщина в фартуке — прислуга. Вот почему дверь не открылась: она попросту не слышала моего голоса. Женщина приветливо кивнула, указала жестом в сторону

лестницы — *спускайся, мол,* — и протянула мне чашку горячего кофе. Аромат был густой, с горчинкой дорогих зёрен.

— Я не пью кофе, — сказала я и тут же одёрнула себя, снова забыв о её глухоте.

Пришлось замахать руками, изображая отказ. Потом показала на лестницу — спущусь сама. Она понимающе кивнула, улыбнулась и бесшумно удалилась.

Я быстро умылась ледяной водой, чтобы прогнать остатки сна, переоделась и вышла из комнаты. В животе уже урчало, а запах выпечки, пряных трав и чего-то тёплого и домашнего, доносившийся из кухни, только раздразнил аппетит.

— С пробуждением, птичка! — раздался до отвращения бодрый голос.

Виктор возник в проёме столовой с графином лимонада в руках, поставил его на стол и отошёл, чтобы поправить салфетку под прибором. Я огляделась по сторонам — ни души. Ни Маши, ни Ромы, хотя смех сестры, доносившийся, как мне казалось, именно отсюда, ещё звенел в ушах.

— Время обеда, — сообщил он буднично. — Ты всё проспала.

Я скрестила руки на груди и окинула его оценивающим взглядом. Сегодня он был в чёрной футболке — без привычной рубашки, без налёта официоза. От этого стало только тревожнее.

— Ты что, здесь прописался?

— Можно и так сказать, — отозвался он с неизменной ухмылкой.

— Ааа, — протянула я, опускаясь на стул, — попросили снова меня пасти.

— А вот тут ошибаешься, — он перехватил у прислуги столовые приборы, вежливо ей кивнув, и принялся расставлять их сам.

Я невольно засмотрелась на этот жест — непривычно услужливый, даже заботливый. Интересно, он пытался казаться добрым или действительно был способен на такое? Помочь глухонемой женщине не по обязанности, а по человеческому порыву? В голове не укладывалось…

— Утром было собрание, не здесь, — продолжил он. — Ездили в город, обсуждали организационные моменты. И мне предоставили возможность проконсультировать тебя по поводу чертежа будущего лабиринта. — Он выпрямился, стряхнул невидимые крошки с футболки и сел напротив, закинув ногу на ногу.

— Так значит, Маше разрешили? — спросила я, вспомнив вчерашнюю перепалку.

— Верно.

Я помолчала, переваривая услышанное, а затем задала вопрос, который жёг меня с самой ночи:

— И зачем вам это? Я ведь явно буду участником, а не наблюдателем. И буду знать все выходы.

Он прищурился, а потом пожал плечами.

— Не знаю. Мне дали задачу: проконтролировать тебя, обеспечить всей информацией, чтобы ты выполнила все пожелания. Остальное — не моя забота.

Он замолчал, но тёмных глаз не отвёл. Снова этот прямой, проникающий куда-то глубже, чем мне бы хотелось, взгляд. Я замялась на секунду, ощутив, как под его прицелом внутри всё сжимается — как в тот раз, в лесу, когда я ещё не знала, что тепло бывает оружием. Но теперь я не опустила глаз. Ответила ему тем же.

— Я смотрю, Света сегодня не торопится с обедом? — раздался громкий голос Ромы, и я тут же обернулась.

Он входил в столовую размашистым шагом хозяина, привыкшего, что его появление замечают сразу. Виктор, не дав мне ответить на его последнюю реплику, мгновенно переключился:

— Мы вернулись раньше, не ругай её.

Рома по-свойски, по-мужски хлопнул его по плечу и опустился на стул рядом.

— Ладно, но передай ей, что мы уже заждались.

Словно услышав его, из кухни уже торопилась Света с тяжёлым подносом в руках. Она проворно расставила тарелки — дымящийся суп, нарезанный хлеб, зелень. Виктор поймал её взгляд и сделал несколько быстрых, точных жестов руками. Женщина вдруг беззвучно расхохоталась, но так заразительно, что даже у меня дёрнулся уголок рта. Она заправила светлую прядь за ухо, поправила серый фартук на пышном теле и удалилась обратно, всё ещё трясясь от немого смеха.

— Ты знаешь язык жестов? — спросила я, не скрывая удивления.

— Ага, — отозвался он тихо, с какой-то мальчишеской искоркой. — В детстве у меня была подруга, её родители тоже не слышали. Она меня и научила этим трюкам.

Он помолчал, а затем добавил уже мягче, почти интимно:

— Ты вообще многого обо мне не знаешь…

— Она вообще нас не знает, по сути, — оборвала его Маша.

Сестра шла к столу в изысканном шёлковом халате, тёмные волосы убраны в небрежный пучок, а под глазами — расплывшаяся тушь. Она тяжело вздохнула и опустилась на стул рядом со мной, запахнув полы халата плотнее.

Я помолчала секунду, а затем спросила:

— Так расскажите?

Маша вскинула бровь. В её взгляде промелькнула застарелая обида, которую она до поры носила в себе, а теперь вытащила на свет.

— Аа, теперь тебе интересно? — Она усмехнулась невесело. — Я тебе полгода писала, Ева. Полгода. Но ты решила игнорировать меня.

Повисла пауза. Рома замер, не донеся ложку до рта. Виктор откинулся на спинку стула, переводя взгляд с одной сестры на другую. А я смотрела на Машу — и впервые за долгое время видела перед собой не кукловода, не расчётливую хозяйку игр, а просто уставшую женщину, которая ждала ответа и не дождалась.

— Прости, — произнесла я, и слово это далось мне тяжелее, чем я ожидала, — но ты сама понимаешь, из-за чего я так себя вела. Ты втянула меня во всё это… против моей воли.

Маша молчала. Её пальцы машинально теребили край шёлкового пояса, скручивая и раскручивая ткань. Я видела, как скулы заходили ходуном: она явно боролась с желанием то ли ответить резкостью, то ли заплакать.

— Ты даже не представляешь, — заговорила она наконец, — каково это — жить, зная, что у тебя где-то есть сестра, а тебе запрещают с ней видеться. Годами. Десятилетиями.

Она подняла на меня покрасневшие глаза.

— Когда мне наконец разрешили с тобой связаться, я думала — вот оно. Вот теперь мы станем семьёй. Но мне сразу дали понять: просто так ничего не бывает. За каждый мой шаг к тебе нужно было платить. Отчитываться. Доказывать, что ты готова.

— И чем я доказала? — спросила я тихо. — Тем, что выжила?

Маша криво усмехнулась.

— В том числе. Ты сама не понимаешь, насколько ты ценна. Для них. Для этого места. Для всего, что здесь происходит. — Она обвела рукой столовую, саму атмосферу этого дома. — И я… я пыталась подготовить тебя. Мягко. Но Инна перестаралась, а я не уследила.

При упоминании Инны я вздрогнула. Маша заметила.

— Ты злишься на меня. Я знаю. И имеешь полное право. Но сейчас… — Она вдруг подалась вперёд и накрыла мою ладонь своей. — Сейчас я прошу тебя: дай мне шанс. Не ради меня — ради нас обеих. В этом доме куда больше тайн, чем ты можешь вообразить, и поверь, мне тоже нужен союзник.

— Союзник в чём? — спросила я, смотря на наши сплетённые пальцы.

— Продолжать дело наших родителей, — произнесла она почти шёпотом.

Я отвернулась. Медленно, осторожно высвободила руку, взяла ложку, зачерпнула остывающий суп и принялась есть, не поднимая глаз. Тишина за столом сгустилась до звона. Мне не хотелось отвечать, не хотелось ей верить и слышать очередной бред.

Неловкость разбил Рома — он откашлялся, отодвинул тарелку и произнёс нарочито бодрым тоном, каким говорят с детьми за семейным ужином:

— Девочки, поговорите об этом позже. У нас ещё три месяца до ретрита. Будет время.

Маша взяла кусок хлеба и резко отломила его, так что крошки посыпались на скатерть. Виктор по-прежнему сверлил меня взглядом. Я быстро закинула в себя содержимое тарелки, почти не чувствуя вкуса, и поднялась из-за стола, не проронив ни слова.

Уже на лестнице, почти добравшись до спасительной двери своей комнаты, я замедлила шаг. Остановилась и прислушалась. Снизу доносились приглушённые, но разборчивые голоса.

— Она как ребёнок… — бросил Рома с лёгким раздражением.

— Она и есть ребёнок, — отозвалась сестра устало. — Только очень умный. И неподатливый.

Пауза. Потом голос Маши зазвучал жёстче:

— Виктор, ты хотя бы не подводи нас.

— Я постараюсь, — ответил он.

Я бесшумно отступила от перил и скользнула в свою комнату, плотно закрыв дверь.

Значит, так они меня видят. Трудный подросток в теле взрослой женщины. Несломленная игрушка, с которой придётся повозиться.

А Виктор… «*Я постараюсь*». Постарается — что? Присматривать за мной? Или что-то ещё, чего я пока не понимала?

Я оттолкнулась от двери и прошла к окну. За стеклом раскинулся ухоженный сад, точно сошедший с архитектурного эскиза. Идеальные линии, идеальные пропорции. Ловушка, упакованная в красивую обёртку.

И всё же в словах Маши, в её дрожащих пальцах, в этой странной просьбе о союзе было что-то, что не укладывалось в привычную схему. Либо она действительно попала в безвыходное положение — такое же, как и я, — либо играла настолько тонко, что я ещё не видела всей глубины. А может быть, и то и другое одновременно. В конце концов, в этой семейке правда всегда была многослойной, как луковица: снимаешь один слой — а под ним ещё десяток, и каждый заставляет плакать.

Я отошла от окна и села за небольшой письменный стол в углу комнаты. Достала из сумки блокнот и раскрыла его на чистой странице. Архитектурная привычка: когда в голове хаос, нужно перенести его на бумагу. Разложить по линиям.

Вверху страницы я вывела одно слово: *«Кто?»*

Ниже — четыре буквы, которые я обвела кружком. *«Рада»*. Рядом — знак вопроса. Она сидит во главе стола, она распоряжается, но вчерашняя фраза «*тебе не позволят*» явно указывала на то, что и над ней есть кто-то ещё. Кто? Святослав? Я вспомнила его каменное, непроницаемое лицо — он больше походил на статую, чем на руководителя. Или спонсоры? Толстосумы с дорогими часами, что выбирают место для новой резни? Нет, они — кошельки, а не мозг операции.

Я нарисовала ещё один кружок, подписала: *«Мать»* — и рядом, мелким почерком: *«мертва, пыталась уничтожить культ»*. Следом — кружок *«Отец»* и жирный знак вопроса, уходящий стрелкой куда-то за пределы страницы. Маша сказала: «*продолжать дело наших родителей*». Выходит, мать боролась против того, во что сестра теперь зовёт меня вступить. Почему тогда она мертва, а культ жив? Я обвела слово *«Культ»* в центре листа и от него развела ветви — структура, схема воздействия, корни. Где слабое место? Паутина вопросов, в центре которой — я сама, без спроса вплетённая в чужой замысел.

Затем я вывела имя Виктора. И зачеркнула его. Потом снова обвела. И снова зачеркнула. В нём была какая-то переменная, которую я не могла просчитать. Наблюдающий. Контролирующий. Но в его взгляде, особенно вчера, когда он стоял в дверях моей комнаты и не мог выдавить ни слова, было что-то помимо задания. Что-то, о чём он молчал.

Я отложила ручку и потёрла виски. Три месяца до Купалы. Три месяца, чтобы построить лабиринт, собрать информацию и найти выход — не для них, для себя. И для всех, кого ещё можно спасти.

В дверь коротко стукнули. Я захлопнула блокнот и сунула его под подушку.

— Кто?

— Виктор.

— У меня есть информация для чертежа, — добавил он размеренно. — Ты же не хочешь начать с опоздания?

Я встала, одёрнула футболку и открыла дверь ровно настолько, чтобы видеть его лицо.

— Проходи, — сказала я сухо. — Рассказывай всё, что знаешь. И учти: если ты что-то утаишь — лабиринт рухнет.

Я отошла к столу и опустилась в жёсткое, с прямой спинкой кресло, явно не рассчитанное на долгие посиделки.

Виктор двигался неторопливо, с чуть ленивой грацией человека, который никуда не спешит, потому что знает: все и так будут ждать. В руке он держал плотную бумажную папку, из тех, что хранятся в архивах, а не в электронных базах данных.

Он опустился совсем рядом на край кровати, так что я уловила резкий запах дорогого одеколона, с хвойной ноткой. Молча протянул папку мне.

— Серьёзно? — спросила я, не удержав усмешки.

Он вопросительно поднял бровь.

— Двадцать первый век на дворе, Виктор. А ты несёшь мне бумаги, будто курьер из девятнадцатого столетия. Где флешка? Где ссылка на облако?

— Мы же не хотим, чтобы эта информация куда-нибудь просочилась? — ответил он тоном, каким объясняют очевидные вещи.

Я не сдержалась и иронично рассмеялась.

— Логика потрясающая. Я могу прямо сейчас достать телефон, сфотографировать каждый лист и отправить куда угодно. Хоть журналистам, хоть в полицию.

Виктор даже не шелохнулся. Только уголок его губ чуть дрогнул.

— Можешь, — согласился он спокойно. — Но не отправишь.

— Почему ты так уверен? — я чуть наклонила голову, разглядывая его лицо.

— Потому что у тебя нет сети, — ответил он просто. — Связь в этом доме избирательно-глушится. Wi-Fi есть только в двух комнатах, и твоя в их число не входит. А если ты попытаешься выйти за ворота с этой папкой или с телефоном в руках, охрана остановит тебя раньше, чем ты дойдёшь до калитки.

Я смотрела на него несколько секунд, переваривая услышанное. Значит, я не гость. Я пленник, которому позволили чуть больше свободы, чем остальным, но ровно настолько, насколько это безопасно для них.

— Тогда зачем вообще давать мне эти бумаги? — спросила я, постучав пальцем по папке. — Если вы мне не доверяете?

Виктор пожал плечами:

— Потому что ты должна работать. Лабиринт нужен через три месяца. А архитектор, который не видит чертежей — это не архитектор, а дилетант.

Я открыла папку, внутри лежали несколько листов — топографическая карта местности, несколько фотографий реки и леса, сделанных явно с дрона, и схема участка с предварительной разметкой. Всё от руки, всё на бумаге — никаких цифровых следов.

Я подняла глаза на Виктора.

— Что ж, — произнесла я медленно, — тогда давай начнём. Расскажи мне, чего именно они хотят от этого лабиринта. И не говори «просто игру». Я уже знаю: здесь ничто не бывает просто.

Он протянул руку и вытащил из папки последний лист — плотный, сложенный вдвое, с чёткими линиями чертёжной рамки.

— Вот. Здесь все условия.

Я взяла страницу и вгляделась в строки. Почерк был профессиональный, возможно архитектора или военного инженера. Чёткая схема участка, привязанная к топографической карте, которую я уже видела. Параметры почвы — суглинок, местами песчаник, высокий уровень грунтовых вод ближе к реке. Размеры: периметр, высота стен, ширина коридоров. Материал: деревянный брус, усиленный металлическим каркасом.

Я читала, машинально отмечая детали. Глаза скользили по строчкам, пока не споткнулись о раздел, выделенный жирным подчёркиванием.

«*Главные условия: Модель — коробка, только два пути ведут к центру. Центр лабиринта — в виде квадрата. И главное: предусмотреть ловушки и укрытия для пряток*».

Я перечитала последнее слово дважды. Трижды. Оно не менялось.

— В этот раз мы будем играть в прятки, — произнёс Виктор.

Его голос прозвучал спокойно, почти скучающе, как сообщают прогноз погоды или время прибытия поезда. Но внутри у меня всё остановилось. Не замерло, не сжалось — именно остановилось, будто сердце взяло паузу, чтобы осознать услышанное, а затем забилось с удвоенной, утроенной силой, молотом отдаваясь в висках.

Я подняла глаза на Виктора. Он наблюдал за мной всё с тем же непроницаемым выражением, но теперь я видела то, чего не замечала раньше: он ждал моей реакции. Не как надзиратель — как человек, которому почему-то не всё равно.

— Прятки, — повторила я шёпотом. — Значит, я проектирую собственную могилу?

— Ты проектируешь лабиринт, — поправил он мягко. — А могила — это только один из возможных исходов. Не единственный.

Я отложила лист на стол. Пальцы чуть подрагивали, но голос, когда я заговорила, звучал ровно:

— Кто будет участвовать? Кроме меня.

— Зайцы — в основном новички. Волки — те, за кого проголосуют спонсоры.

— Значит, волк?

Виктор помолчал, затем осторожно ответил, словно взвешивая каждое слово:

— Это решат ближе к игре. Пока ты значишься как архитектор. Но ты права: зная схему лабиринта, ты не можешь быть просто наблюдателем. Спонсоры настаивают на твоём участии. Им нужно шоу. Им нужно доказательство.

— Доказательство чего?

— Что ты одна из нас. По-настоящему. Не по крови, а по действию.

Я встала. Подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Сад за окном безмятежно зеленел в лучах солнца — идиллия, за которой прятался чудовищный замысел.

— А если я откажусь? — спросила я, не оборачиваясь.

— Тогда лабиринт построит кто-то другой, — ответил Виктор. — А ты в него всё равно попадёшь. Только уже без права знать схему.

Я медленно повернулась к нему.

— То есть выбора у меня нет.

— Выбор есть всегда, — произнёс он тихо. — Просто иногда все варианты плохие.

Я вернулась к столу, взяла лист с условиями и снова пробежалась взглядом по строкам.

— Хорошо, — сказала я, и голос мой прозвучал твёрже, чем я ожидала. — Я построю вам лабиринт. Но если я должна в нём выжить — я хочу знать всё. Не только схему. Я хочу знать правила.

Виктор кивнул. То ли с уважением, то ли с чем-то ещё, что я пока не могла расшифровать.

— Договорились, — сказал он. — Тогда начнём с главного: лабиринт — это не просто место для игры. Это проверка. И у каждого, кто в него войдёт, есть роль. Твоя, Ева, пока не определена. Но поверь: от того, как ты спроектируешь эти стены, зависит, чья кровь на них останется и в каком количестве.

Он замолчал. А я смотрела на белый лист с чёткими линиями и понимала: карандаш в моей руке станет оружием. Вопрос только — в кого оно выстрелит.

Глава третья.

Архитектор во мне уже включился помимо воли — анализировал размеры, прикидывал пропорции, чертил в воображении первые размытые контуры. Но параллельно в голове билась другая, тёмная мысль: я держу в руках план собственной западни. И меня просят сделать её красивой.

— Теперь ты понимаешь, — произнёс он негромко, — почему именно ты. И почему бумаги, а не файлы.

Я понимала. Следов не остаётся. Ни цифровых отпечатков, ни взломанных серверов, ни случайных утечек. Только я, моя рука, мой карандаш — и лабиринт, рождающийся из этих линий. Если что-то пойдёт не так, крайней окажусь именно я. Ещё один способ запачкать мои руки или показать верность.

— Условия можешь дополнить, — добавил Виктор, поднимаясь. — В разумных пределах. Завтра принесут план участка с геодезической съёмкой. И да, птичка…

Я подняла глаза.

— Не пытайся сделать вид, что ты просто жертва. Ты умнее. Умнее многих в этом доме. — Он помолчал, и странная, едва заметная усмешка тронула его губы. — Построй им такой лабиринт, какой они заслуживают.

Он вышел, оставив меня одну. Я долго смотрела на закрытую дверь, пытаясь понять его последнюю фразу. Что он имел в виду? Лабиринт, достойный их жестокости? Или лабиринт, который я смогу обернуть против создателей?

Я разложила листы на столе и склонилась над ними. В комнате сгущались сумерки, но я не включала свет — в темноте думалось острее. Два пути к центру. Квадрат в сердце лабиринта. Укрытия для пряток. Два с половиной метра высотой — не перелезть. Но если нельзя вверх, значит, нужно искать другой выход. Под землёй? В дренажной системе? В стыках между брусами? Игры будут в тёмное время суток, а значит, нужно освещение, факелы? Да. Нужно их разместить таким образом, чтобы они служили крючками, чтобы забраться наверх.

На чистом листе я набросала первый эскиз: чёткий квадрат, рассечённый радиальными коридорами. Тупики, ложные повороты, ниши, которые кажутся укрытиями, но на деле — ловушки. Они увидят идеальную машину для убийства. Я — нет. Я увижу то, чего они не заметят: место, где ловушка станет выходом.

Я знала правила прошлых игр: заяц не должен был знать, как выжить. Но я буду знать. Я начерчу каждую линию, просчитаю каждый угол. У меня будет три месяца, чтобы выучить лабиринт так, как не выучит ни один волк.

Если только они не решат изменить схему в последний момент. Если только Виктор не заметит, что каждая линия, которую я черчу, служит двум хозяевам.

Но пока — я рисовала. И с каждым штрихом страх отступал, уступая место холодному, расчётливому гневу. *Они хотели архитектора? Они его получат.* Только вот архитекторы умеют не только строить. Они умеют закладывать мины в фундамент.

Я чертила наброски до глубокой ночи, пока строчки не поплыли перед глазами, а карандаш не начал выскальзывать из онемевших пальцев. Уснула прямо за столом, уронив голову на скрещённые руки, и даже не слышала, как дом погрузился в тишину.

Утром меня разбудил короткий, осторожный стук, без голосового сопровождения. Светлана. Я открыла дверь, приняла из её рук чашку чая — от кофе она теперь предусмотрительно меня избавила — и кивком поблагодарила. Спустилась в столовую, где уже сидели Маша и Рома.

Завтрак прошёл в тишине: сестра что-то спрашивала, я отвечала односложно, не поднимая глаз от тарелки. Мысли были уже наверху, у разложенных листов, у неоконченных линий.

Я быстро доела, скомкала салфетку и, пробормотав что-то про срочную работу, направилась к лестнице.

— Ты снова за своё!

Резкий крик ударил в спину, с той истеричной нотой, что бывает у людей, слишком долго державших себя в руках. Я вздрогнула и обернулась.

Маша стояла посреди столовой. Плечи напряжены, пальцы стиснуты в кулаки так, что побелели костяшки. Подбородок мелко дрожал — и весь её облик кричал о том, что она больше не может притворяться.

— Снова меня игнорируешь? — выкрикнула она, и голос сорвался на высокой ноте. — Если это твоё наказание за мои действия — пусть так! Но так и скажи!

Рома привстал было со стула, но Маша почти грубо выставила ладонь в его сторону, и он замер.

Я стояла у подножия лестницы, держась рукой за перила.

— Я просто занята работой, которую вы же мне поручили, — ответила я. Голос прозвучал ровно, может быть, даже слишком ровно для момента, когда воздух между нами искрил от напряжения.

— Ну да… — протянула она с сарказмом, и её глаза налились слезами. Влага стояла у самых ресниц, но ещё не скатывалась по щекам.

— Маш, — я сделала шаг к ней, всего один, осторожный, — если хочешь поговорить… давай. Я не против.

Она вскинула голову. Слёзы всё-таки сорвались в две быстрые дорожки, но голос теперь звучал иначе:

— Ты делаешь мне одолжение?

Я смотрела на неё — на её кулаки, на мокрые дорожки на щеках, на то, как она пыталась удержать остатки достоинства, и впервые за долгое время почувствовала не злость. Что-то другое. Похожее на жалость, но глубже.

— Нет, — ответила я тихо. — Я не делаю тебе одолжение. Я просто… тоже устала быть одна в этом доме.

Я соврала. Слова про одиночество и усталость были лишь удачно подобранной монетой, брошенной в автомат её эмоций. Я не хотела сближаться. Маша оставалась для меня ребусом, который я разгадывала без всякого азарта.

Но одна искра мысли, точно лезвие, прижатое к запястью, всё же скользнула. Я могу воспользоваться её положением. Беременность делала Машу уязвимой: эмоциональные качели, потребность в поддержке, это отчаянное, почти животное желание опереться на кого-то, кто разделяет с тобой кровь. Она очевидно тянулась ко мне, а значит, это шанс. Не на воссоединение семьи — на информацию.

Это не делало меня святой. Я понимала: использовать беременную женщину, пусть даже замешанную в чудовищных делах, — поступок, лежащий где-то на грани между тактикой и подлостью. Но выживают здесь не святые. Выживают те, кто умеет считать ходы наперёд.

— Прости, — прошептала она наконец, вытирая щёки ладонью. — Я не должна была срываться. Гормоны, наверное.

Я шагнула ближе и, поколебавшись, положила руку ей на плечо. Ткань шёлкового халата была прохладной и скользкой.

— Всё в порядке, — сказала я. — Давай поговорим. Только не здесь. У тебя есть место, где нас никто не услышит?

Она подняла на меня глаза — красные, опухшие, но уже загорающиеся чем-то похожим на надежду. И я поняла: первый ход сделан. Она клюнула.

— Эмм… да, — ответила она и потрясла головой, будто пыталась вытряхнуть из себя остатки напряжения. — Я буду ждать тебя в саду. Накинь что-нибудь потеплее, на улице прохладно.

Она неуверенно шагнула назад, развернулась и удалилась.

Я не теряла времени. Быстро поднялась наверх, натянула плотные штаны, застегнула куртку до самого горла и уже на выходе задержалась на секунду. *Телефон.* Я вытащила его из-под подушки, разблокировала, нашла диктофон и нажала красную кнопку записи.

Возможно, этот разговор станет свидетельством. Возможно — оружием. А возможно, просто подушкой безопасности: если я что-то упущу, запись потом напомнит.

Я сунула телефон в карман куртки, проверила, чтобы микрофон не был прикрыт тканью, и спустилась в сад через боковую дверь веранды.

Весенний ветер дул порывами, ещё холодный, пахнущий талой землёй и прошлогодней листвой. Солнце уже поднялось над кронами, но грело слабо, лишь слепило глаза, заставляя щуриться.

На деревянной скамье под голыми ветвями яблони сидела Маша — сгорбленный, уязвимый силуэт. В руках она держала что-то… не книгу, как мне показалось издалека, а скорее потрёпанный блокнот или альбом в тёмном переплёте. Она прижимала его к груди, будто это был спасательный круг.

Я медленно подошла, хрустя гравием дорожки. Сестра привстала, услышав шаги, и поплотнее запахнула пальто, пряча нижнюю часть лица в высокий воротник.

— Садись, — сказала она тихо.

Я опустилась рядом, чувствуя, как холод дерева проникает сквозь куртку. Я молчала, давая ей начать первой. В конце концов, это был её разговор.

— Я не успела тебе тогда показать, — начала она неуверенно и раскрыла потрёпанный альбом. Страницы были пожелтевшими, с уголками, обклеенными скотчем. — Это наша последняя совместная фотография.

Она указала пальцем на цветной снимок, чуть выцветший от времени. Я склонилась ниже, вглядываясь. На фото были мы — две маленькие девочки с одинаковыми косичками, а рядом родители. Я впервые увидела отца: высокий, светловолосый, с открытой улыбкой и большими руками, которые бережно обнимали маму за плечи. Позади них зеленел густой лес, солнечные пятна дробились сквозь листву, мама была в венке из полевых цветов. Все выглядели счастливыми. Не наигранно — по-настоящему. Так, как не умеют притворяться даже хорошие актёры.

— Где он? — спросила я тихо, не отрывая глаз от снимка. — Про маму ты говорила. А отец? Ты сказала, что он ушёл в работу с головой…

Я не закончила фразу. Не хотела с порога вываливать главный вопрос — о том, кто на самом деле управляет культом, кто стоит даже над Радой. Но мысль, что отец может стоять за всем этим, не давала мне покоя с того самого момента, как Маша обмолвилась о деле родителей.

— Я знала, что ты это спросишь, — ответила она.

Маша захлопнула альбом и откинулась на спинку скамьи. Ветер растрепал её волосы, выбившиеся из небрежного пучка, и она даже не попыталась их поправить.

— После того случая с мамой он стал много работать. Уже не на Купале. У него появилась другая семья, и нас разлучили… — говорила она рвано, спотыкаясь о каждое слово.

Я нахмурилась: в прошлый раз она рассказывала иначе. Тогда мама была просто «*женщиной, что нас родила*», а теперь она сказала «*мама*». Что-то изменилось. Или она просто забыла, какую версию рассказывала мне раньше.

— Твою мать, — вдруг выдохнула Маша и сжала переносицу пальцами. Голос её сорвался в почти истеричный смешок. — Я готовилась к этому разговору так долго, репетировала каждое слово, а теперь не могу ничего внятного ответить!

— Не торопись, — сказала я и, поколебавшись, положила ладонь на её руку.

Она вздрогнула от прикосновения, но руку не отдёрнула. Напротив — повернула ладонь вверх и слабо сжала мои пальцы.

Я выждала паузу, давая ей прийти в себя, а затем осторожно вернулась к разговору:

— Ты говорила, что наши родители основали Купалу в нулевых, кажется. Потому что жили бедно. Вот только почему именно Купала?

Маша выдохнула.

— Ну, чего хотят люди? Счастья, веселья, а главное — любви. А этот праздник хорошо отражает эти желания. Костёр, венки, ночь, когда всё можно. Сначала это были совместные походы, обряды. Ничего такого — песни у костра, гадания на воде. Люди ехали за атмосферой; игры появились уже позже.

Она замолчала, подбирая слова.

— Для чего? — спросила я осторожно, чувствуя, как телефон в кармане продолжает беззвучно записывать каждое её слово.

Сестра повернулась ко мне. В её глазах больше не было слёз, только сухая, выжженная горечь.

— Адреналин, — произнесла она. — Люди, у которых есть деньги, власть, безнаказанность, рано или поздно перестают чувствовать вкус жизни. Обычные развлечения им надоедают. Им нужно… острее. Сначала они просто смотрели. Потом стали платить за право выбирать, кто победит, а кто нет. А когда в игру входят такие деньги, остановиться уже невозможно. Ты не представляешь, сколько нулей на счетах тех, кто сидел позавчера за этим столом. И сколько таких, кто ждёт приглашения годами.

Она перевела дыхание и посмотрела на альбом, лежащий у неё на коленях.

— Отец даже не пытался это остановить. Когда мама погибла — он понял, во что превратилось их детище. Но было поздно. Машина уже работала. И те, кто стоял за ней, не собирались её выключать.

— Но… если отец бросил нас, почему спустя столько времени ты ещё с ними? Почему не могла отказаться от всего этого?

Маша вскинула голову и на секунду задумалась.

— Потому что не могла. Они меня воспитали! — выпалила она с горькой иронией. — Я обязана быть частью семьи.

— Разве это семья? — я подалась вперёд, вглядываясь в её лицо. — Семья, которая рискует твоей жизнью ради наживы? Семья, где за непослушание ломают, а за верность награждают правом убивать?

Маша молчала. Потом медленно покачала головой.

— Ты многого ещё не понимаешь, сестрёнка.

Я не стала спорить. Вместо этого я задала вопрос, который вертелся на языке с самого начала нашего разговора:

— Да. Но хочу понять… Тебе, тебе страшно?

Она посмотрела на меня, будто впервые увидела. А затем рассмеялась. Смех был невесёлым — сухим, похожим на хруст ветки под ногой.

— Нет, — ответила она, отсмеявшись. — Мне уже не страшно. Страх прошёл давно, ещё в детстве, когда я поняла, что никто не придёт и не спасёт. Ни отец, ни мать, ни кто-то ещё. Страх сменился пониманием.

Она оглянулась через плечо, проверив, нет ли кого в саду, и когда убедилась, что мы одни, заговорила тише:

— Купала — это не только игры и спонсоры. Всё, что ты видела — охота, ставки, лабиринты, — всего лишь фасад. Витрина для тех, кто хочет пощекотать нервы. А внутри — совсем другое. Желания, Ева. Такие, которые нельзя загадать ни в одной церкви и ни за какие деньги.

— Желания? — переспросила я, чувствуя, как почва уходит из-под ног. Я всё ещё не понимала, к чему она клонит.

Маша спокойно кивнула, почти торжественно, будто собиралась открыть мне главную тайну мироздания.

— Вот ты, чего хотела до того, как попала к нам? Друзей, семью, любовь. Инна стала твоей единственной подругой. Виктор — первой любовью. А потом ты узнала, что у тебя есть настоящая семья, не приёмная. Твои желания сбылись. Да, возможно, исковерканные, извращённые, но сбылись. И всё потому, что ты ещё не приняла нас душой, не прошла ритуал.

Я ожидала чего угодно: угроз, манипуляций, очередной попытки разжалобить меня слезами. Но такого мистического, почти религиозного поворота я не предвидела. И от этого внутри всё похолодело сильнее, чем от мартовского ветра. Да, я действительно желала всего этого: близости, тепла, чувства, что я кому-то нужна. *А кто не желает?* Но то, как она это преподносила, с какой фанатичной убеждённостью, с какой верой в каждое слово, пугало меня куда больше, чем любые признания о жертвах и крови.

— Я не понимаю, к чему ты клонишь.

— К тому, что это не просто праздник. Это пограничье, — ответила сестра, и глаза её загорелись огнём, который бывает только у глубоко верующих или глубоко безумных.

— Ночь, когда исполняются желания. Ты сейчас думаешь: я издеваюсь или сошла с ума. Но это правда. За все годы те, кто был с нами, не только получали деньги. Они получали исцеление от неизлечимых болезней. Выходили сухими из воды после таких обвинений, что любой другой давно бы гнил в тюрьме. У них срастались переломанные судьбы. Кровь, которая проливается, — это жертва. Плата. Без неё ничего не работает.

Она замолчала, переводя дыхание, а я сидела, оцепенев.

— Ты… ты действительно в это веришь? — спросила я наконец.

— Да, — ответила Маша без тени сомнения. — И ты сама всё поймёшь на общем ритуале. Он будет перед заездом новичков, там соберутся старейшины. Тогда и увидишь.

Я молчала, не веря тому, что услышала. Она поёжилась, поправив воротник пальто.

— Ладно, разговор затянулся, и я уже замёрзла…

И в этот момент телефон в моём кармане завибрировал, так что ткань куртки задрожала. Маша заметила. Её взгляд метнулся к моему бедру, где лежал телефон, и брови чуть приподнялись.

Я медленно, стараясь не делать резких движений, засунула руку в карман и вытащила телефон. Экран светился: входящий вызов, номер не определён. Я мысленно выругалась: *связь здесь была, и диктофон всё ещё писал.*

— Ответишь? — спросила сестра, скорее с любопытством, чем с подозрением.

— Это… скорее всего, преподаватель звонит, узнать по поводу пропущенных занятий, — быстро соврала я, хватаясь за первое, что пришло на ум.

— Так ответь, — сказала она, — и предупреди, что на экзаменах ты точно будешь.

Я удивилась. Она помнила о моей учёбе. Я отошла на пару шагов, прижала телефон к уху и провела пальцем по экрану, принимая вызов.

— Алло?

— Ева Витальевна? — раздался незнакомый мужской голос.

— Да. А это кто?

— Константин Алексеевич, отдел Следственного комитета по Пермскому краю. Я хотел бы с вами обсудить новые вскрывшиеся детали дела.

Сердце резко заколотилось. *Следователь.* Тот самый, что вёл дело о прошлогодней резне. Я скосила взгляд на Машу: она стояла у скамьи, закутавшись в пальто, и наблюдала за мной.

— Ааа… меня, к сожалению, нет в Екатеринбурге. И в ближайшее время я очень занята.

— Могу я уточнить ваше местоположение? Дело ещё не закрыто, а вы — главный свидетель.

— Я в Москве до лета.

— Отлично. Я буду там в командировке на следующей неделе. Могу я вам перезвонить, чтобы уточнить дату и время встречи?

— Ага, — ответила я коротко.

— Хорошо, всего доброго.

Гудки. Я опустила телефон и нажала на кнопку блокировки, надеясь, что диктофон остановился. Маша всё ещё смотрела на меня.

— Всё в порядке?

— Да, — ответила я, пряча телефон обратно в карман. — Преподаватель. Говорит, чтобы я не затягивала с дипломным проектом.

Маша кивнула, но взгляд её ещё секунду задержался на мне. Потом она развернулась и медленно пошла к дому, и я двинулась следом, чувствуя тяжесть телефона в кармане, с компрометирующей записью, а в голове билась одна мысль: следователь в Москве. На следующей неделе. Если я сумею выбраться из этого дома и передать ему запись, у меня будет шанс обрушить культ не через лабиринт, а через закон. Но сначала — нужно дожить до этой встречи.

Глава четвертая.

Я быстро прошла в свою комнату, плотно прикрыла за собой дверь и, не снимая уличной обуви, повесила куртку на спинку стула. Пальцы сами вытащили телефон из кармана. Экран погас, но я уже знала: *запись сохранилась.*

Я закинула файл в скрытую папку и поставила пароль — длинный, бессмысленный набор цифр, который не угадать никому, кроме меня. Телефон снова стал просто телефоном, но теперь в нём спрятана бомба.

Мысли о том, что рассказала сестра, прокручивались в голове, как одна и та же сцена, поставленная на повтор. Желания, жертвы, кровь как плата. Фанатичный блеск в глазах, когда она говорила о пограничье и старейшинах. Как эта информация может помочь следователю? Да никак. Слишком мало. Ни списков участников, ни имён спонсоров, ни дат, ни мест. Только голос сестры на фоне весеннего ветра, рассуждающей о мистике и крови. В суде это назвали бы религиозным бредом, не имеющим отношения к делу. Мне нужны факты. Документы. Доказательства того, что здесь происходит на самом деле.

Я села на кровать и уставилась на стену, где на уровне глаз темнела едва заметная трещина в штукатурке. *Итак, что я имею?* Следователь в Москве. У него — новые вскрывшиеся детали дела. Он хочет встретиться. Но что, если это ловушка? Что, если Купала уже знает о его расследовании и проверяет меня? Или… что более вероятно — он действительно нащупал что-то важное и хочет поделиться со мной как с главным свидетелем.

Решение пришло не сразу. Я прокрутила в голове несколько вариантов и остановилась на единственном, который имел смысл. Узнать, что у них есть на Купалу. Выведать, что за новая информация появилась у следствия. А уже потом, сопоставив факты, решать: стоит ли рисковать и показывать запись нашего с Машей разговора, красть схему лабиринта и впутываться в разоблачение всего этого чудовищного механизма.

Я легла на кровать, не раздеваясь, и закрыла глаза. Где-то внизу хлопнула дверь, послышались приглушённые голоса.

Не помню, как провалилась в сон. Должно быть, усталость взяла своё, скрутила и утянула в темноту без сновидений.

Разбудил меня настойчивый стук.

— Ева! Я войду? — голос сестры звучал взволнованно, почти испуганно.

Я приподнялась на локтях, сбрасывая остатки сна. За окном было ещё светло, и, судя по солнцу, уже далеко за полдень.

— Да! — крикнула я, и дверь тут же распахнулась.

— Ты что, уснула? Я зову, зову тебя на обед, а ты не отвечаешь! Я уже начала переживать… — Маша вошла и медленным шагом направилась прямиком к столу, где были разложены мои чертежи.

— Да, я плохо спала... — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал непринуждённо.

Она склонилась над столом, разглядывая наброски.

— Видимо, это задание тебя сильно изматывает…

Я вдруг резко подалась вперёд и захлопнула листы, прижав их ладонью к столу.

— Он ещё не готов!

Маша тяжело вздохнула, но не отстранилась. Вместо этого она выпрямилась и посмотрела на меня с какой-то новой, непривычной мягкостью.

— Не торопись. У тебя ещё много времени. И до экзаменов успеешь. Я уже договорилась, чтобы тебя отпустили.

— Боюсь, что я их провалю, — ответила я обречённо. — Я не готова к сдаче.

— Перестань. Если тебе нужна помощь с лабири…

— Нет, не надо, — перебила я её быстрее, чем следовало. — Я сама. Здесь всё равно нечем заняться, так что постараюсь закончить по-быстрее.

Она улыбнулась и затем вдруг оживилась:

— Знаешь, что я подумала? Тебе нужно развеяться. Не хочешь со мной в торговый центр съездить?

Я замерла. В голове мгновенно пронеслось: *вот он, шанс.* Выбраться из особняка. Оказаться в городе. В толпе, где можно затеряться, где можно найти способ связаться со следователем без прослушки и слежки. И как же вовремя.

— Может, на следующей неделе? — протянула я неуверенно, стараясь не выдать своего интереса. — Я пока слишком погружена в процесс…

— Отлично! — воскликнула Маша, и лицо её озарилось почти детской радостью. — Тогда решено!

Я смотрела на её глаза, на то, как она сцепила пальцы в замок, будто загадала желание, и думала: *кто из нас кого ведёт?* Она меня к очередной ловушке? Или я её к разоблачению всего, во что она верит?

— Ладно, пошли, мальчики уже ждут, — вдруг сказала она и с улыбкой направилась к выходу.

— Виктор уже здесь? — спросила я, и желудок неприятно сжался.

— Ага. Кстати… ты прости его за прошлое. Он, как-никак, нам родственник. И в случае чего сможет тебе помочь.

Я вставала с кровати, но после этих слов остановилась на полушаге.

— Родственник? — вырвалось у меня ошарашенно.

Маша обернулась на пороге и, заметив моё лицо, вдруг беззаботно рассмеялась.

— Ах, я же так и не сказала тебе! Он — младший брат Ромы. Забавно, да? Две сестры и два брата.

Она ещё раз усмехнулась и вышла в коридор, оставив дверь открытой. Я осталась стоять посреди комнаты, чувствуя, как внутри всё переворачивается и заново складывается, но уже в другом порядке.

Виктор — брат Ромы. Муж сестры — и он. Не просто наёмный наблюдатель, не просто человек, который когда-то держал меня за руку и смотрел так, что я забывала дышать. Он часть семьи. Часть всего этого.

Я поправила футболку и вышла в коридор. Спускаясь по лестнице, я слышала голоса — сестра что-то рассказывала, Рома смеялся, звенели приборы. Войдя в столовую, я сразу нашла глазами Виктора.

Он сидел напротив моего места, как обычно, на другом конце стола, но теперь всё было по-другому. Теперь я видела то, чего не замечала раньше: тот же разворот плеч, что у Ромы. Та же манера чуть склонять голову, слушая собеседника. Те же тёмные, как перья ворона, волосы. Как я могла пропустить? Или мне просто не приходило в голову искать сходство между ними?

Виктор поднял взгляд и встретил мой. Он приподнял бровь с немым вопросом — и по тому, как дрогнули его ресницы, я поняла: он уловил. Увидел, как я скачу взглядом от него к Роме и обратно, выискивая и сопоставляя.

— Маша рассказала, — произнёс он негромко, и это был не вопрос.

— Да, — ответила я, опускаясь на стул напротив. — Рассказала. Хотя мог бы и сам. Когда-нибудь…

Рома переводил взгляд с меня на брата и обратно, но благоразумно молчал, предпочитая роль зрителя в этой безмолвной дуэли. Маша, напротив, щебетала что-то о меню и предстоящем походе в торговый центр, старательно заполняя словами повисшую неловкость.

— Не представилось момента, прости, — сказал Виктор и откусил кусок хлеба с таким видом, будто речь шла о забытой мелочи.

— Ты принёс? — спросила я, давая понять, что разговор о родстве пока закрыт, но не забыт.

Он безразлично кивнул, прожёвывая.

— Так! — вдруг воскликнула Маша. — Раз уж мы с Евой наконец-то начали налаживать отношения, я бы хотела это отметить сегодня вечером! Семейный ужин с настольными играми, только мы вчетвером. Кто за?

Она обвела нас сияющим взглядом. Рома, не переставая работать челюстями, пожал плечами:

— Я не против. Ева?

— Не против, — ответила я ровно, понимая, что отказаться значило бы снова занять позицию загнанного в угол подростка. А это больше не работало.

— У меня дела. Не смогу, — отрезал Виктор, не поднимая глаз от тарелки.

— Виии! — Маша обогнула стол и обняла его сзади за плечи, прижавшись щекой к макушке. В этом жесте было что-то до странности материнское, хотя разница в возрасте между ними едва ли насчитывала пару лет. — Какие ещё могут быть дела, когда вся семья в сборе?

— Мы вчера были тем же составом, — ответил он холодно, не делая попытки высвободиться, но и не отвечая на объятия. — И вроде ничего грандиозного не произошло.

Рома медленно, почти лениво поднял взгляд от тарелки и посмотрел на брата. В этом взгляде не было угрозы, ни нахмуренных бровей, ни сжатых челюстей. Только спокойная, непререкаемая уверенность старшего брата.

Виктор выдержал этот взгляд секунду. Две. Три. А затем поднял руки вверх — открытые ладони, жест капитуляции.

— Ладно, — выдохнул он. — Один вечер. Но без фейерверков, Маш, я тебя умоляю.

— Чудесно! — она захлопала в ладоши, выпуская его из объятий, и поспешила обратно на своё место. — Тогда я распоряжусь, чтобы Света приготовила что-то особенное. Ева, у тебя есть пожелания?

— Мне всё равно, — ответила я, всё ещё глядя на Виктора.

Он наконец поднял глаза. Едва заметно кивнул в сторону лестницы: *«Нужно поговорить наедине»*. Я опустила ресницы, давая понять, что услышала.

Обед потёк дальше, внешне беззаботный, полный лёгкой болтовни и звона приборов. Рома рассказывал что-то о делах в городе, как оказалось, он действительно в прошлом был орнитологом, как говорил Виктор. Не соврал. Маша перебивала его шутками, Виктор отделывался короткими репликами. Я ела молча, не вникая в суть разговоров, потому что в голове шла совсем другая работа.

Две сестры и два брата. Значит, я связана с Виктором не только прошлым, но и настоящим — через Машу, через Рому, через этот дом и всё, что в нём происходит. Он не мог просто исчезнуть, не мог перестать быть частью всего этого. Но мог ли он стать союзником? Родственником, который поможет не по долгу, а по собственной воле? Или наоборот: именно родство делало его более опасным, чем любой наёмный охранник?

Я доела суп, отложила ложку и, извинившись, поднялась из-за стола. У лестницы меня догнал негромкий голос:

— Ева.

Я обернулась. Виктор стоял в паре шагов, засунув руки в карманы.

— Я хотел сказать… — он осёкся, подбирая слова. — Ты, наверное, ещё не доверяешь мне, но я не враг тебе. Что бы ты сейчас обо мне ни думала.

Я смотрела на него, а он тут же вытащил из кармана сложенные вдвое бумаги и протянул мне.

— Посмотрим, — ответила я, забирая данные, и стала подниматься по лестнице, чувствуя его взгляд спиной.

В комнате я развернула листы с геодезической съёмкой. Я разложила их поверх вчерашних набросков и взялась за карандаш. Я заставила себя работать. К вечеру у меня был готов первый полноценный эскиз. За окном уже начало смеркаться, и тянуло ароматами праздничного ужина, который Маша затеяла в честь нашего с ней перемирия.

Освободившись от чертежей, я спустилась вниз, и мы сели за стол, когда солнце уже почти село. В этот раз расположились в гостиной, где прошлой осенью, стоя у камина, я впервые увидела свадебную фотографию: моя сестра, Рома, Инна и Виктор. Тогда этот снимок развеял призрак спасения и запер меня в этой клетке. Теперь он висел на стене как напоминание — здесь нет случайных лиц.

Света постаралась на славу. Стол ломился от фруктов — виноград, нарезанные персики, инжир, — а в центре красовалось блюдо с мягкими стейками, которые таяли, едва к ним прикасалась вилка. Красное вино в тяжёлых бокалах ловило отблески камина, и комната дышала теплом и уютом, почти неприличным для этого дома.

Я, сама не зная зачем, принарядилась. Заплела тугую косу, перекинула её через плечо и надела обтягивающее боди с юбкой — строгий, но подчёркивающий фигуру силуэт. Может быть, хотелось почувствовать себя женщиной, а не загнанным зверьком.

Виктор, едва я вошла, скользнул взглядом по моей фигуре и чуть заметно, одними уголками губ улыбнулся, но этого хватило, чтобы я поняла: *заметил.*

— Во что поиграем? — спросил Рома, откидываясь на спинку кресла с бокалом в руке.

— Может, хватит игр? — парировал Виктор, не глядя на брата. — Они у нас ещё впереди.

Я еле заметно улыбнулась, опуская глаза к тарелке. Мне действительно не хотелось играть. Ни в карты, ни в слова, ни в их бесконечные проверки на лояльность.

— Тогда что? — спросила Маша. Она сидела в лёгком, лаконичном платье с открытыми плечами, и в свете камина её кожа казалась почти фарфоровой. Беременность красила её — или, может быть, это была иллюзия, созданная мягким светом и временным перемирием между нами.

Я помедлила, затем невинно произнесла:

— Может… вы чуть о себе расскажете? Как вы с Машей познакомились, например?

Виктор, разливавший вино по бокалам, на секунду замер. Бутылка застыла в воздухе, капля сорвалась с горлышка и упала на скатерть тёмной кляксой.

— Точно! — воскликнула Маша, хлопнув в ладоши. — Ева же, получается, едва с вами знакома! Мы столько времени провели вместе, а о таких простых вещах ни разу не говорили. Ужас!

Она обвела парней весёлым взглядом.

— Тогда кто начнёт?

Виктор протянул мне бокал. Я покачала головой — пить не хотелось, хотелось сохранить ясность.

— Расслабься, — прошептал он, и в его жесте было что-то, чего я не ожидала: забота.

Я приняла бокал.

— Нууу… давай я, — начал Рома, отставляя тарелку. — Даже не знаю, с чего начать… Наверное, с того, как я проходил практику в ветклинике, здесь, в Москве. Вышел покурить на крыльцо, и тут из машины появилась ОНА.

Они с Машей переглянулись — и в этот миг между ними промелькнуло что-то подлинное, не показное.

— Что-то бубнила себе под нос, ворчала и явно была не в духе. Оказывается, её автомобиль не заводился, а она торопилась. Я видел, как она своими маленькими ручонками открывает капот и что-то там пытается найти. — Он рассмеялся, вспоминая. — Маша! Ты тогда даже не знала, где у машины аккумулятор!

— Я гуманитарий! — запротестовала она, но глаза её смеялись.

— Я подошёл и предложил помощь. И когда у меня, на удивление, получилось запустить машину честно скажу, это было чудо, мы обменялись номерами. А там…

— А там три ромашки и прогулки по парку! — подхватила сестра и расхохоталась, запрокинув голову. — Ты был такой смешной. Пытался казаться крутым, а сам краснел до корней волос, когда я брала тебя под руку.

— Ну а что ты хотела от бедного парня, который только закончил университет? — парировал он. — У меня в кармане не было ни копейки.

— Ладно, ладно, — Маша махнула рукой, отсмеявшись, и повернулась ко мне. — На самом деле он покорил меня своей решимостью. Знаешь, он даже брал кредиты на дорогие рестораны, лишь бы я не выглядела в его глазах выгодным уловом. Представляешь? Боялся, что я подумаю, будто он со мной из-за денег.

— А ты и была выгодным уловом, — вставил Виктор, не поднимая глаз от бокала.

— Эй! — Рома шутливо толкнул брата в плечо.

Я смотрела на них — на Машу, которая смеялась так, будто в мире не было ни Купалы, ни крови, ни игр, и думала о том, как странно устроена жизнь. Одна пара строила отношения на ромашках и кредитах. Другая — на лжи и наблюдении. И всё же мы сидели за одним столом, пили одно вино и смеялись над общими шутками.

— А Виктор? — вдруг спросила я, переводя взгляд на него. — У тебя была первая любовь? До всего этого?

Тишина упала мгновенно, будто кто-то выключил звук в комнате. Даже потрескивание дров в камине, казалось, стихло. Виктор медленно, почти церемонно поставил бокал на стол и поднял на меня глаза. Пристально на меня посмотрел, словно пытался понять, что прячется за моим вопросом.

— А почему тебя именно это заинтересовало во мне?

В голове пронеслось отчаянное: *«Чёрт! Зачем я это спросила? Это всё проклятое вино развязало мне язык!»* Я почувствовала, как щёки заливает румянец, и отвела глаза, делая вид, что меня внезапно заинтересовал узор на скатерти.

Сердце заколотилось, отдаваясь в висках. Я открыла рот, но не нашлась с ответом. Он выдержал мучительную паузу, а затем вдруг выдавил из себя короткий смешок, больше похожий на выдох.

— Расслабься. Была вроде.

«Какая же он сволочь!» — чуть не вырвалось у меня изо рта.

Маша тут же подхватила, явно пытаясь залатать возникшее смущение:

— Он у нас сам по себе! Но всё ещё впереди, правда же?

Она посмотрела на Виктора с какой-то странной смесью надежды и жалости. Он просто кивнул и потянулся к шпажке с сыром. Разговор о его прошлом был закрыт. Я опустила глаза, чувствуя, что случайно наступила на мину, о существовании которой даже не подозревала.

Рома, захмелевший чуть больше остальных, почувствовал необходимость разрядить обстановку и с энтузиазмом перевёл разговор в другое русло. Сначала — фильмы: кто что смотрел, какие премьеры ждать. Потом — музыка: классический рок против современной электроники, старый спор двух братьев, явно тянувшийся годами. Маша вставляла реплики, смеялась, подливала себе минеральной воды, а я сидела, потягивая вино, и позволяла разговору течь мимо.

Но когда Рома, разгорячённый алкоголем и вниманием, переключился на свой бизнес, я навострила уши.

— …логистика, понимаешь? Грузоперевозки — это кровь экономики! — вещал он, размахивая бокалом так, что вино едва не выплёскивалось на скатерть.

— У меня сейчас пятьдесят фур по стране ходит. Пятьдесят! От Москвы до Владивостока. И знаешь, что самое сложное? Не топливо, не ремонт. Таможня! Бюрократия! А у меня, — он понизил голос до заговорщицкого шёпота, — везде свои люди. Везде. Даже в Костроме.

Я замерла. Костромская область. Чухломской район. Место, где через три месяца должна состояться новая Купала. Совпадение?

— А чего особенного в Костроме? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал небрежно.

— А! — Рома махнул рукой. — Там у нас склад. Перевалочный пункт. Удобно: и на север, и на восток, и до Москвы рукой подать. Лес, тишина, никто не мешает. И администрация лояльная. Спонсируем там кое-какие мероприятия.

Он подмигнул Маше, и та улыбнулась в ответ, слишком понимающе для простой жены бизнесмена.

— И часто ты там бываешь? — продолжала я.

И тут Виктор резко схватил мою руку под столом. Он сжал мои пальцы, и я вздрогнула, едва не опрокинув бокал.

— Раз в месяц, не реже. Сейчас вот поеду через неделю: стройматериалы нужно проверить. Заказали дерево для… — Рома вдруг осёкся, и взгляд его стал трезвее, острее. — А почему тебя это так заинтересовало?

Виктор сжал мою руку ещё сильнее, и я физически ощутила, как он пытается меня остановить.

— Да просто. Поддержать разговор, — ответила я, выдавив улыбку, которая, надеюсь, выглядела беззаботной. Взяла виноградинку из чаши, положила в рот и медленно прожевала, давая себе время успокоить сердцебиение.

Виктор наконец высвободил мою руку, и я начала разминать пальцы после его жёсткого захвата.

— Ммм, — промычал Рома, глядя на меня с прищуром. Потом перевёл взгляд на Машу, которая уже подпирала голову рукой, заметно уставшая и побледневшая.

— Ладно, мы спать, а вы можете остаться.

Он поднялся и бережно помог жене встать. Маша выпрямилась с тихим стоном, растирая поясницу.

— Спокойной ночи, — пробормотала она заплетающимся от усталости языком. — Ева, завтра обсудим наш поход в торговый центр. Я уже присмотрела там кое-что для малышки.

— Да, конечно. Спокойной, — отозвалась я.

Рома придержал Машу под локоть, и они вышли. Дверь за ними закрылась с мягким щелчком. В гостиной остались только я и Виктор. Я тут же резко повернулась к нему.

— Какого чёрта? — прошипела я, потирая руку. — Ты мне чуть пальцы не сломал!

— А нахрена ты подставляешься? — ответил он спокойно, но в голосе звенела ярость. — Ещё два вопроса, и Рома понял бы, что ты не просто так интересуешься его бизнесом. Ты хоть понимаешь, что он не дурак? Что он считывает неладное за километр?

— Я просто хотела узнать…

— Я знаю, что ты хотела узнать. — Виктор наклонился ближе. — Ты хотела узнать, связана ли его логистика с Купалой. Связана. Теперь ты это знаешь. А теперь скажи мне — зачем? Зачем ты лезешь туда, где тебя могут раздавить?

Я молчала. В камине треснуло полено и осело снопом искр. Виктор смотрел на меня не отрываясь, и в его лице была странная, почти отчаянная сосредоточенность человека, который пытается удержать кого-то на краю пропасти.

Я поднялась с кресла, чувствуя, как внутри всё рушится.

— Прости, я, наверное, пойду.

Но не успела я сделать и шага, как он мягко, почти осторожно взял меня за руку.

Виктор встал напротив, с нажимом провёл ладонью по своему лицу, словно пытался стереть усталость или принять решение, которое давалось ему тяжелее, чем я могла представить.

— Я знаю, что ты задумала, — произнёс он, и голос его звучал так, будто каждое слово давалось с боем. — И у меня сейчас выбор. Либо сдать тебя. Забрать чертежи, передать другому архитектору и быть спокойным, что ты не сможешь натворить глупостей. Либо…

Он осёкся, и пауза затянулась до звона в ушах.

— Либо оставить всё как есть. И пожалеть.

Его пальцы всё ещё держали моё запястье. Я смотрела на него и не узнавала. Передо мной стоял не тот Виктор, что ухмылялся за ужином, не тот, кто докладывал Маше о моих передвижениях. Передо мной стоял человек, который метался между долгом и чем-то, чего он, возможно, даже не понимал.

— Сдать? — переспросила я, чувствуя, как горло перехватывает. — О чём ты?

— В твоей комнате есть камера, — ответил он, поднимая на меня глаза. — Я видел, как ты записала что-то на диктофон. И видел, как ты ставишь заметки у себя в блокноте.

Земля ушла из-под ног. *Камера.* Он наблюдал за мной всё это время?

— Так сдай меня, даже удивительно, что ты не сделал этого сразу! — съязвила я и резко выдернула руку из его хватки. — Ну? Чего ты ждёшь?

Я старалась, чтобы голос звучал твёрдо, почти презрительно, но подбородок задрожал, и скрыть это уже не получалось.

— Я не жду, — он заговорил громче обычного, — я хочу тебе помочь. Ещё раз говорю: я тебе не враг.

— Ну да, конечно. Ты просто обыкновенный лжец и притворщик, вот ты кто!

На последнем слове голос сорвался окончательно, и тело начало бить крупной нервной дрожью, так что пришлось до боли стиснуть зубы, чтобы не застучать ими. Я снова развернулась, чтобы уйти, но он потянул меня за руку и тут же резко припечатал спиной к стене, без возможности вывернуться.

— Не трогай меня! — Я заколотила его кулаками куда попало: в грудь, в плечи, но он легко перехватил мои запястья и прижал их к холодной стене над моей головой.

— Послушай наконец, — проговорил он раздражённо. — Всё, что тебе нужно сделать, — построить лабиринт. Запомнить его до мельчайших деталей. И не пытаться идти против них. Уже были те, кто пытался, и они теперь в могиле. Тебе нужно просто выжить в игре. В последний раз. И тогда в следующий год и во все остальные ты не будешь участвовать.

Он вдалбливал в меня каждое слово, будто надеялся пробить ими сознание, но я упорно не понимала — зачем? Почему сейчас? Почему мне? От гнева и бессилия по щекам потекли слёзы, горячие и совершенно неуместные.

Он отпустил мои руки и отступил на шаг.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросила я севшим голосом. — Я тебе не подруга, мы едва друг друга знаем. Зачем пытаешься помочь мне? А?

Он закрыл глаза. Лицо напряглось так, что обозначилась каждая мышца, а правая рука сжалась в кулак с такой силой, что ногти, должно быть, впились в ладонь до боли. В какую-то долю секунды мне показалось, что он в гневе, сейчас сорвётся, ударит. И именно в этот момент он резко приблизился, схватил моё лицо обеими ладонями и поцеловал.

Я замерла. От неожиданности тело на мгновение обмякло, пальцы перестали дрожать, мысли исчезли, осталось только ошеломляющее, обжигающее тепло его губ. Но длилось это лишь миг.

В следующую секунду я оттолкнула его изо всех сил и, не помня себя, влепила звонкую пощёчину. Звук вышел резкий, хлёсткий, и сразу повисла тишина, в которой было слышно только моё собственное рваное, жадное дыхание, будто я вынырнула из-под воды. Я хватала

воздух ртом и смотрела на него. Он не повернул головы после удара, не шевельнулся. Только стоял и глядел в пол.

— Ева… — начал он, но я подняла ладонь, останавливая.

— Не смей, — выдохнула я. — Не смей ко мне прикасаться.

Я оттолкнулась от стены и на нетвёрдых ногах вышла из гостиной. Дверь за мной закрылась, отрезая его от меня и оставляя его посреди комнаты, с горящей щекой и молчаливыми признаниями, которые теперь, возможно, уже никогда не будут произнесены.

Глава пятая.

Хлопок двери — и тишина комнаты взорвалась тем, что я несла в себе от самой гостиной. Эмоции вырвались наружу, дикие, неконтролируемые... Кровь пульсировала в висках, в запястьях, в горле — казалось, ещё немного, и она прорвёт кожу. Я схватила подушку, прижала к лицу и яростно закричала в мягкую ткань, пока в лёгких не кончился воздух.

В голове то и дело вспыхивал поцелуй. Его губы, его ладони на моём лице. Сердце всё ещё колотилось не только от гнева, но и от того, в чём я себе запрещала признаться. Оно хотело верить. Хотело поддаться. Но разум кричал об обратном, и его голос был громче.

Это очередная игра. Он слишком вжился в роль спасателя — так же, как тогда, на ретрите, когда смотрел на меня с той же нежностью и с той же ложью в глазах. Хороший манипулятор. Он знает мои слабые места. Знает, что я одинока, что я изголодалась по прикосновениям, по теплу, по хотя бы иллюзии искренности. И он бьёт именно туда.

А ещё он наблюдал за мной. Возможно, наблюдает и сейчас.

Я отбросила подушку на кровать и застыла. Глаза лихорадочно заметались по комнате. Если он видел блокнот, видел телефон, видел, как я прячу файлы, — значит, камера где-то здесь. Где-то с углом обзора, захватывающим стол. Я бросилась к стене, начала разбрасывать листы с чертежами, заглядывать в углы. Подоконник? Нет. Книжная полка? Пусто. Я отступила на шаг, пытаясь понять логику того, кто устанавливал слежку. Если камера должна видеть стол и кровать, значит, она где-то сверху. Я задрала голову. Люстра — слишком далеко. Карниз — слишком узко. А вот встроенная лампа в потолке, почти над изголовьем кровати, висела под идеальным углом: от неё просматривались и стол, и половина комнаты.

Я подтащила стул к кровати, взобралась на него, потянулась — не достаю. Тогда, не раздумывая, я поставила стул прямо на матрас. Ножки опасно закачались на мягком, но я удержала равновесие, встала на цыпочки и всмотрелась в плафон. В уголке что-то блеснуло, крохотный глазок, не больше булавочной головки. Я ухватилась за него пальцами, потянула. Провод поддался. Микрокамера выскользнула из гнезда вместе с обрывком тонкого шнура, и я, потеряв равновесие, спрыгнула на пол.

Не давая себе времени на раздумья, я принялась яростно топтать её, снова и снова, пока пластик не хрустнул, а осколки не разлетелись по паркету. Я стояла над обломками, тяжело дыша, и смотрела на то, что осталось от глаза, который следил за мной днями и ночами. Теперь — всё. Если он и наблюдал, то больше не увидит ни одной моей записи, ни одного скрытого файла, ни одной слезы.

Я медленно опустилась на край кровати. Руки всё ещё тряслись, но внутри, под слоем злости и страха, начинал прорастать расчётливый, спокойный гнев. Я больше не позволю никому следить за мной. Ни ему, ни Маше, ни кому-либо ещё. Я поднялась, собрала с пола обломки камеры и выбросила их в мусорную корзину. Завтра утром я спущусь к завтраку с таким лицом, будто ничего не случилось. Я выдержу взгляд Виктора, улыбнусь Маше и даже, возможно, поддержу разговор с Ромой. А потом продолжу работу.

Приняв душ и кое-как успокоившись, я легла в постель. В комнате было тихо, только лампа над изголовьем напоминала о том, что здесь произошло. Я лежала, глядя в потолок, и ловила себя на мысли, что всё ещё жду стука в дверь. *Глупо.* После того, что случилось в гостиной, после пощёчины, кто бы решился прийти? И всё же какая-то часть меня прислушивалась к шагам в коридоре, пока сон, сдобренный остатками вина, не утянул меня в темноту.

Проснулась я рано от возни на кухне. Света уже хлопотала у плиты, и звук передвигаемой посуды эхом разносился по пустому дому. Я встала, умылась ледяной водой и спустилась вниз. За столом никого — только Света, которая, завидев меня, почтительно кивнула и тут же

потянулась к чайнику. Я опередила её: сама налила себе чай и улыбнулась — *дай, мол, хоть это сделаю без посторонней помощи*. Она понимающе отступила.

Дом ещё спал. Тишина стояла такая, что было слышно, как тикают часы в гостиной. Чтобы не терять времени, я быстро допила чай, накинула куртку, сунула телефон в карман и вышла в сад. Утро выдалось серым и промозглым, но без дождя. Я прошла к дальней скамейке — тому месту, где связь, как оказалось, была. Телефон показал всего две полоски уровня сигнала, интернета нет, но три пропущенных вызова от незнакомого номера высветились почти сразу. Я сразу поняла, кто звонил.

Я нажала *«перезвонить»*. Константин Алексеевич ответил сухим деловым голосом. Мы договорились встретиться во вторник днём в ЦУМе, именно туда хотела поехать сестра, и увидеться в 12:00 в кафе на четвёртом этаже. Я сбросила вызов и, постояв ещё немного в тишине сада, вернулась к себе.

Все последующие дни я проектировала, вырисовывала. С утра до вечера, с короткими перерывами на обед и ужин, я сидела над листами, прорабатывая каждую деталь. Поняла, куда встроить ниши — небольшие углубления в стенах, достаточно глубокие, чтобы спрятаться, но недостаточно, чтобы чувствовать себя в безопасности. Придумала покрыть стены цепким, густым диким виноградом, способным оплести деревянный брус снизу доверху. Им понравится и эстетика — густая листва, факелы. Вот только примут ли? Если на виноград можно забраться, стены теряют смысл. Значит, нужно сделать их тоньше — настолько, чтобы по ним нельзя было пройти, даже цепляясь за плети. Я пересчитала пропорции, убрала двадцать сантиметров от ширины и перечертила поперечный разрез. Теперь, пожалуй, их это устроит.

Время летело незаметно. Виктор так больше и не появлялся — ни за обедом, ни в коридорах, нигде. И это вызывало облегчение, к которому примешивалось какое-то смутное, неоформленное беспокойство, которое я старательно заталкивала поглубже. Маша, напротив, всё так же пыталась быть доброжелательной: расспрашивала о чертежах, не заглядывая в них, подкладывала мне лучшие куски за ужином, а однажды вечером даже позвала смотреть фильм. Мы сидели в гостиной вдвоём — она с чаем, я с поджатыми ногами в кресле, и на полтора часа почти забыли, кто мы друг другу.

Но во вторник утром, когда я в сотый раз проверила диктофон на телефоне и перепрятала запись в другую папку, напряжение начало нарастать с новой силой. Я стояла перед зеркалом, поправляя волосы, когда за дверью раздался голос сестры:

— Ну что, ты готова?

— Да, секунду! — крикнула я, хватая телефон и засовывая его поглубже в карман куртки.

— Давай быстрее! Водитель уже ждёт! — донеслось из-за двери, и я вышла в коридор.

До встречи со следователем оставалось три часа. За это время нужно было успеть придумать, как отвлечь сестру, чтобы незаметно ускользнуть на разговор. Задача из разряда невыполнимых: Маша цеплялась за меня, как ребёнок за новую игрушку, и явно не собиралась отпускать далеко.

В машине она без умолку болтала. Показывала снимки коляски, кроватки, каких-то невероятных мобилей ручной работы. Я рассеянно кивала, вставляла односложные реплики, но мыслями была далеко. Пугало даже не то, с каким фанатичным блеском она рассуждала о предстоящих родах. Пугало, что дата выходила ровно на те числа, когда должна начаться Купала.

— Представляешь, — щебетала она, листая телефон, — если малышка родится прямо на ретрите? Это же знак! Такого в нашей истории ещё не было!

Меня передёрнуло. Она говорила о собственном ребёнке как о части ритуала. Как о символе, который должен освятить очередную резню.

Мы зашли в пару магазинов, прежде чем оказались в бутике для новорождённых, где Маша зависла над стойкой с крошечными боди. Она перебирала вешалки, поднимала то одно, то другое, прикладывала к себе и умилялась.

— Как тебе это? — спросила она, протягивая мне комплект: нежно-мятный слип с вышитыми ушками на капюшоне.

— Неплохо. Только я в этом мало что понимаю.

Сестра тихонько рассмеялась, возвращая вещицу на место.

— Всё ещё впереди! — воскликнула она с той легкомысленной уверенностью, от которой мне становилось не по себе.

— Знаешь… я хотела спросить…

— М? — Маша обернулась и приподняла бровь.

Я набрала в грудь воздуха и заговорила как можно мягче, почти безразлично:

— Там, за ужином, Рада сказала, что тебе не позволят, чтобы я проектировала лабиринт. Кто не позволит? Ведь я думала, что Рада — главная.

Маша снова тихонько захихикала — на этот раз в голосе проскользнуло снисхождение, будто я спросила какую-то детскую глупость.

— У нас нет главных. Ну, точнее, есть старейшины, но решения принимаются путём голосования. Рада иногда бывает чересчур заносчивой. Не обращай внимания.

— Старейшины? — я зацепилась за слово. — Кто они?

— Ну… — она потянулась к очередной вешалке, разглядывая миниатюрные пинетки с кружевом. — Святослава и Раду ты уже знаешь. С остальными познакомишься позже. Они как раз все будут на ритуале перед заездом новичков. А вообще…

Она вдруг замерла. Опустила пинетки обратно и долгим, оценивающим взглядом посмотрела на меня.

— Ты слишком много вопросов задаёшь. Откуда, что, почему… Это начинает напрягать.

— Я просто хочу понять.

— Ева, — голос сестры стал тише, — иногда кажется, что ты что-то вынюхиваешь.

Я быстро отвела глаза, сделала вид, что заинтересовалась стойкой с комбинезонами, и схватила первое, что попалось под руку.

— Смотри, какой милый! — воскликнула я, разворачивая к ней крошечный комбинезон. — По-моему, будет смотреться гораздо лучше.

Маша перевела взгляд на вещь. И выдержала мучительную паузу.

— Хм, а знаешь, мило, — наконец произнесла она, и уголки её губ дрогнули в подобии улыбки.

Я выдохнула. Неразумно было спрашивать сейчас. *Ничего,* утешила я себя. Всё узнаю на месте. Главное — дожить до встречи, не выдав себя раньше времени.

Я судорожно косилась на часы. Времени оставалось впритык — стрелка неумолимо подползала к назначенному часу, а я всё ещё была привязана к сестре. В голове уже крутились заготовленные фразы: *«я устала»*, *«хочу побыть одна»*, *«давай встретимся через час»*. Я репетировала их про себя, пока мы шли к выходу из бутика, как вдруг Маша остановилась и произнесла:

— Слушай, я жутко проголодалась. Тут неподалёку есть отличный ресторан с божественным крем-супом. Поехали?

Вот она. Возможность улизнуть, которую я так ждала.

— Я не слишком голодна, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал легко. — Да и хотела зайти в пару магазинов, присмотреть себе что-нибудь для выхода. Может, на выпускной что-то найду.

Маша задумалась. Она перевела взгляд на витрину, поправила выбившуюся прядь и медленно выдохнула — было видно, что решение даётся ей с неохотой.

— Ладно, — сдалась она. — Ты гуляй, а я быстро перекушу. Телефон взяла?

Я машинально дотронулась до кармана.

— Да, взяла.

— Хорошо. Тогда созвонимся.

Она уже развернулась, чтобы уйти, но вдруг замерла на полушаге и бросила через плечо:

— Только давай без глупостей.

Я усмехнулась — одними губами, пряча то, как всё внутри скрутило от этих слов.

— Думаешь, я сбегу?

Маша загадочно улыбнулась, по-своему, не разжимая губ, и пошла к эскалатору. Я проводила её взглядом, пока лёгкое пальто не растворилось в толпе, а затем развернулась и быстрым шагом направилась в противоположную сторону, где на четвёртом этаже меня уже должны были ждать. Сердце билось так, что заглушало музыку, льющуюся из динамиков торгового центра. Я не знала, что скажу ему. Не знала, можно ли ему верить. Но я знала одно: если не сделать этого сейчас, второго шанса может не быть.

Всю дорогу до кафе я машинально оглядывалась. Вдруг Маша не уехала? Вдруг идёт следом, прячется за колонной, следит из-за витрины? Каждая женщина в светлом пальто заставляла меня вздрагивать. Но вот я перешагнула порог кафе, выбрала столик у окна, села и только тогда позволила себе выдохнуть.

Время тянулось мучительно медленно. Заказала кофе — просто чтобы чем-то занять руки. Экран телефона мелькал перед глазами, но я не видела ни времени, ни уведомлений.

— Добрый день, — раздалось за спиной.

Я обернулась. Константин обогнул круглый столик и сел напротив. Обычный мужчина лет пятидесяти: серое пальто, аккуратная стрижка, усталые глаза. Ничем не примечательный. Именно такие люди и вызывают у меня наибольшее недоверие — слишком легко растворяются в толпе.

— Здравствуйте, — ответила я, откладывая телефон в сторону.

Он коротко кивнул официантке, сделал заказ и снова перевёл взгляд на меня. Без лишних предисловий, без светских улыбок.

— У меня немного времени. Поэтому по существу. С вами уже связались организаторы?

Внутри что-то взорвалось. *Что ответить? Что он знает? Откуда?*

— А почему они должны со мной связаться? — осторожно спросила я, решив, что лучшая защита — нападение.

Константин чуть приподнял уголок губ. Не улыбка — так, тень одобрения. Он понял, что я играю осторожно.

— Ладно. Мы в курсе, что организаторы собираются провести новую Купалу. Несмотря на прошлую трагедию.

Он выдержал паузу, сканируя моё лицо. Я молчала, придав лицу то самое непроницаемое выражение, которому научилась за эти месяцы.

— А я тут причём? — вырвалось у меня.

— Всплыло несколько важных фактов про этот ретрит. Например, что некоторые участники после выезда бесследно исчезают. А те, кто был один раз, часто фигурируют в последующих. Это система, а не случайность.

Он поблагодарил официантку, поднесшую кофе, и сделал глоток, не сводя с меня глаз.

— Я по-прежнему не считаю, что прошлогодний случай и гибель людей были просто трагической случайностью. Доказательств и прямых улик у меня нет. Но, возможно, вы знаете что-то стоящее.

Его взгляд стал тяжёлым, давящим. Я поняла: если расскажу всё, покажу диктофон — подставлю себя. Если продолжу отнекиваться — упущу шанс. Он словно предлагал мне выбор, и оба пути вели в неизвестность.

— Я понимаю, вы можете быть запуганы, — продолжил он тише. — Всё это очень похоже на секту. Но у нас есть программа защиты свидетелей. Всё, что вы скажете, останется в тайне.

Я сглотнула. В горле пересохло. Я открыла рот, чтобы ответить, и в этот миг вспомнила камеру в лампе. Вспомнила, как легко они узнают о каждом моём шаге.

— Дело в том, что мне нечего вам сказать.

— Тогда что вы делаете в Москве, а не учитесь?

— Я приехала к сестре.

— Которая тоже участвовала в Купале ранее, — вставил он, и я почувствовала, как внутри всё сжимается.

Вот оно. Он не спрашивал. Он знал.

— Вы ведь знаете об этом?

Молчание. Я смотрела на него, он — на меня. Две пары глаз, две шахматные партии, разыгрываемые одновременно.

— Да, — ответила я наконец.

Константин не отвёл взгляда. Он ждал. Не давил, не торопил — просто сидел и смотрел, как человек, который умеет слушать тишину лучше, чем слова.

Я взяла чашку с остывшим кофе, сделала глоток — только чтобы дать себе секунду. Рука не дрожала. Хорошо. Значит, я ещё могу контролировать хотя бы тело.

— Что вы хотите от меня? — спросила я, не опуская глаз.

— Правду, — ответил он. — Или хотя бы её осколок, за который я смогу ухватиться.

Где-то в кармане лежал телефон с записью. Где-то в сумке — чертежи лабиринта. А между нами, на маленьком столике, стоял недопитый кофе и зияла пропасть недоверия, которую каждый из нас боялся перешагнуть первым.

— Простите, я не смогу вам дать того, чего вы хотите, — произнесла я, поднимаясь и забирая сумку.

— Ева, постойте, — негромко окликнул он, даже не привстав.

Я обернулась.

— Если что-то узнаете или окажетесь в опасности, мой номер у вас есть. Звоните в любое время.

Я коротко кивнула и быстро пошла к выходу, чувствуя, как колотится сердце. Дверь кафе закрылась за мной, и только тогда я позволила себе вдохнуть полной грудью. В голове пульсировала одна мысль: *«Ещё чуть-чуть — и случилось бы непоправимое»*. Я едва не рассказала. Едва не выложила всё. А может, и надо было? Может, зря ушла?

Но уже через минуту, лавируя в толпе торгового центра, я заставила себя думать трезво. Нет. Я сделала всё правильно. У него слишком мало информации и доказательств, как, впрочем, и у меня, но власти уже следят за культом. Это главное. Теперь у меня есть не просто имя и номер — у меня есть точка сброса. Если я соберу достаточно неопровержимых фактов, мне будет кому их передать. Без лишних слов, без риска, что мне не поверят.

Я остановилась у витрины, сделала вид, что разглядываю платье, и перевела дыхание. В отражении поймала своё бледное лицо. Уголки губ едва дрогнули. Впервые за долгое время я почувствовала нечто похожее на надежду. Тонкую, хрупкую, но живую.

В сумке зажужжал телефон. Маша. Я сбросила вызов и тут же набрала сообщение: *«Задержалась, скоро буду»*. Экран погас. Я развернулась и пошла к эскалатору — туда, где меня уже, наверное, высматривала сестра. Назад, в пасть к чудовищам. Но теперь уже не с пустыми руками. Теперь у меня есть цель, ради которой стоит вернуться.

Месяц пролетел стремительно, не оставив и следа. В воздухе уже пахло самой настоящей весной, с набухшими почками на деревьях, первыми неуверенными бабочками и сухим асфальтом, обещавшим скорое тепло. Проект лабиринта был завершён. Я передала его сестре, и та, радуясь, всё же не могла скрыть грусть: пришло время отпустить меня.

Я улетела в Екатеринбург, с головой ушла в учёбу, сдала экзамены — будто между этими событиями не прошло и дня.

Я словно пересекла невидимый рубеж. Вот я держу диплом архитектора, вот улыбаюсь на выпускном, а в мыслях лишь одно: как дотянуть до следующего лета.

С Машей я поддерживала связь: принимала её поздравления, старательно играла роль *хорошей сестрёнки*, но больше не пыталась вытянуть из неё информацию. Она звонила почти каждый вечер. Иногда просто поговорить. Иногда — чтобы напомнить, что билеты на самолёт уже куплены.

И вот, стоя у стойки регистрации на рейс Екатеринбург — Москва, я с холодной ясностью осознала: шансов вернуться в этот город почти не осталось. Меня здесь больше ничто не держит. Мне не за что ухватиться, и, даже если я выживу, сестра заберёт меня в своё логово.

Регистрация закончилась. Я закинула сумку на плечо и пошла к выходу на посадку. Шаг за шагом — спокойно, размеренно, будто не к самолёту шла, а к приговору, который сама же себе подписала в тот момент, когда решила не бежать. Впереди был рейс. А за ним — лето, запах свежескошенной травы, река Нёмда и Купала, которая уже точила ножи где-то в Костромских лесах.

Глава шестая.

Дорога вилась сквозь сплошную зелень — поля сменялись глухими лесами, и казалось, этому коридору нет конца. Машину то и дело встряхивало на ямах и поворотах, а молчаливый водитель лишь крепче сжимал руль. Я потеряла счёт времени: пять часов, шесть, — какая разница, если всё слилось в одно утомительное мельтешение за окном.

Резкий толчок, и автомобиль замер у самой кромки леса.

— Всё, дальше не повезу, — бросил водитель, не оборачиваясь. Я замерла, не сразу сообразив, что происходит. И только когда к машине неторопливо приблизились двое высоких мужчин в светлых рубашках, до меня дошло: дальше — либо река, либо бездорожье.

— Спасибо, — выдавила я, выбираясь наружу с сумкой в руке.

Воздух ударил в лицо запахом свежей хвои и сырой земли. Никогда не думала, что этот аромат будет вселять в меня не безмятежность, а страх. Я шагнула вперёд, и один из встречающих показался мне знакомым.

— Здравствуй, Ева, — произнёс блондин, и по его губам скользнула усмешка.

Илья. Пастух этого кровавого праздника. Я узнала его не сразу — с первой нашей встречи, за ужином, прошло почти три с половиной месяца.

— И тебе привет, — ответила я, растягивая губы в подобии вежливой улыбки.

Он протянул руку, и я без слов отдала сумку. Илья взвесил её и улыбнулся.

— Ты налегке, как я погляжу?

— На опыте, — отрезала я. — Одежду выдадут, косметику и технику отберут, а средства гигиены вежливо предложат. С папоротником, разумеется, чтобы мозги лучше плавились.

Илья тихо рассмеялся, потом кивнул в сторону, где среди стволов просматривалась едва заметная тропа.

Мы шагнули в лес, и тишина сразу сомкнулась за спиной, отрезая дорогу, машину, весь привычный мир.

— Долго идти?

— Не быстро, — лениво отозвался он. — Обычно прибывают на лодке, но народу много, и часть решили прогнать через лес.

Я не ответила, лишь скользнула взглядом на второго, незнакомого, молчаливого парня, смотревшего куда-то в самую глубину леса, словно видел там то, чего не видела я.

— Эх… — вдруг досадно протянул Илья. — Жаль, в этот раз я не смогу быть твоим пастухом. Было бы забавно.

Он повернул голову и посмотрел на меня в упор. Внутри мгновенно вспыхнуло — жар поднялся от груди к горлу, опалил щёки.

— Не думаю, что у тебя получилось бы так же хорошо, как у Виктора, — процедила я, стараясь не сорваться. — Хотя… его план со мной тоже провалился.

— Разве? — он приподнял бровь. — Ты же тут.

Он прав, и от этого тошно.

— Да, но изначально он собирался и дальше меня вести. А я его разоблачила. Меня просто загнали в угол.

Илья чуть сбавил шаг, будто обдумывая услышанное. Ветка хрустнула у него под ногой, и звук этот повис в молчании, как вызов.

— Значит, мне нужно просто не накосячить так же, — проговорил он наконец, и в голосе его не было ни тени издёвки. Он говорил серьёзно, и от этого стало ещё противнее.

Мне вдруг отчаянно захотелось его ударить — так, чтобы слетела с лица эта уверенность. Но я сдержалась. Просто отвернулась и зашагала дальше, чувствуя, как гнев тает.

Всю оставшуюся дорогу мы не разговаривали. Лес становился плотнее, тропа вилась между корнями, как старая жила. Где-то высоко шумели кроны, и в этом шуме слышалось что-то недоброе. А потом деревья расступились разом, и впереди открылась поляна. На краю её, уходя в серое небо, стояла массивная деревянная арка. На грубо стёсанных досках красовалась надпись: «Ночь Ивана Купала». Буквы казались выжженными, будто кто-то вдавил их в дерево не краской, а огнём.

Я ещё какое-то время стояла перед аркой, не в силах заставить себя сделать этот последний шаг. Илья обернулся и нетерпеливо спросил:

— Ну? Чего встала?

Я шагнула вперёд, и мне почудилось, будто невидимая плёнка лопнула, пропуская меня внутрь. Граница осталась за спиной. Привычка оглядываться, оценивать, запоминать никуда не делась. Я скользнула взглядом по поляне и сразу отметила: всё изменилось.

Арка стояла неподалёку от реки, но вода теперь была дальше, чем в Пермском крае, выровненный берег, с пологим, будто специально сделанным спуском. Дом общины, тяжёлый и тёмный, теперь высился слева от арки, развернувшись спиной к реке. А всё те же треугольные домики выстроились по правой и левой стороне леса ровным квадратом, словно кто-то расчертил поляну по линейке. Шатёр больше не разделял лагерь надвое, одиноко стоял в дальнем конце, у кромки деревьев, и от этого внутри казалось пусто, слишком много голого пространства. Брёвна для кострищ только готовили, и люди суетились между ними, будто отчаянно не успевали к какому-то невидимому сроку.

— Ева! — женский голос резанул справа.

Я повернула голову. Сестра махала рукой, улыбаясь так широко, что казалось, ещё немного, и её лицо треснет. Она шла ко мне, и я невольно задержала взгляд на её животе: он вырос, округлился, стал огромным, и даже белый льняной сарафан с красной вышивкой по подолу не мог его скрыть.

Я двинулась навстречу, но не успела и рта раскрыть, как она уже стиснула меня в объятиях, крепко прижимая к себе.

— Я ужасно соскучилась! — выдохнула она мне в плечо.

— Да, я тоже, — ответила я ровно, ощущая, как её беременный живот давит на мой собственный, угрожая раздавить рёбра.

Она ослабила хватку, отстранилась и заглянула мне в лицо своими светлыми, сияющими глазами — такими знакомыми и одновременно чужими.

— Ты голодна?

— Да, дорога вымотала. Я бы ещё поспала…

— Тогда сначала еда, потом сон! — перебила она и, не дожидаясь ответа, потянула меня за руку к дому общины.

Я позволила себя увести. Тёплая ладонь сестры сжимала мои ледяные пальцы, и от этого прикосновения внутри разливалось что-то странное, похожее на тоску.

Она толкнула тяжёлую дверь, и та подалась с низким, протяжным стоном, впуская нас внутрь.

В холле пахло свежей зеленью и воском, девушки расставляли повсюду полевые цветы, и от этого казалось, будто дом дышит луговым разнотравьем. Я не успела разглядеть ни стен, ни лестниц: сестра, не сбавляя шага, потянула меня влево, в узкий коридор, где шаги отдавались глухо, как в колодце. Ещё несколько торопливых шагов — и мы оказались в комнате.

— Так, я сейчас попрошу принести тебе поесть, а ты пока оставайся здесь, — бросила она и выскользнула за дверь, оставив меня одну.

Я медленно выдохнула и впервые за долгое время позволила себе просто стоять на месте.

Комната была обшита тёплым деревом, и от стен исходил едва уловимый смолистый запах. Огромная двуспальная кровать с высоким изголовьем занимала почти всё простран-

ство, с белым балдахином, который свисал с потолка мягкими складками, точно приручённое облако. В углу — шкаф с резными славянскими символами, тёмный и старый. У стены — зеркало в тяжёлой раме и рабочий стол, заваленный бумагами и сухими травами.

Я подошла к окну. Оно выходило на реку, и сквозь стекло я увидела, как к берегу причаливает моторная лодка. Несколько человек неспешно выходили на деревянный настил, улыбались, поправляли одежду. Я вгляделась в лица и вздрогнула: седовласая женщина, стоявшая у самого борта, была мне знакома. Это была Рада.

Дверь резко распахнулась за спиной, и я обернулась. Маша, тяжело ступая, подошла к кровати и лениво опустилась на самый край, сжав ладонями колени.

— Сейчас всё принесут, садись, — сказала она, кивнув на стул.

Я послушалась, но взгляда от неё не отвела. Пятен витилиго стало заметно больше: раньше на лице и шее у неё их почти не было, а теперь светлые, неровные островки поднимались по левой щеке, словно кто-то небрежно вылил на кожу белила. Это делало её лицо ещё более отстранённым, несмотря на улыбку.

— Как ты? — спросила я, сама не зная зачем.

Маша улыбнулась, но вздох получился вымученным.

— Поскорее бы родить… тяжело уже, — ответила она и положила ладонь на живот.

— Тебе ведь вот-вот рожать, а ты тут… — вырвалось у меня.

— А где мне ещё быть? — она устало рассмеялась. — Не беспокойся. Если всё начнётся здесь, я буду только рада. Есть акушерки, всё необходимое. Всё продумано, не переживай.

— И Рома не против? — спросила я, но ответить она не успела: в дверь негромко постучали.

— Заходи! — крикнула Маша, и в комнату, опустив голову, вошла девушка с подносом.

Двигалась она бесшумно, как тень. Не поднимая глаз, расставила на столе тарелки и кружку с чем-то горячим, от чего по комнате поплыл терпкий запах, и так же молча исчезла за дверью, будто её и не было.

Голод оказался сильнее приличий, я схватила ложку и принялась за горячий, густой суп, пахнущий копченостями и домашним хлебом. Рядом лежала выпечка, ещё тёплая, с хрустящей корочкой, которая ломалась под пальцами и таяла во рту. Я ела быстро, почти не жуя, чувствуя, как по телу разливается тяжёлое, сонное тепло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.